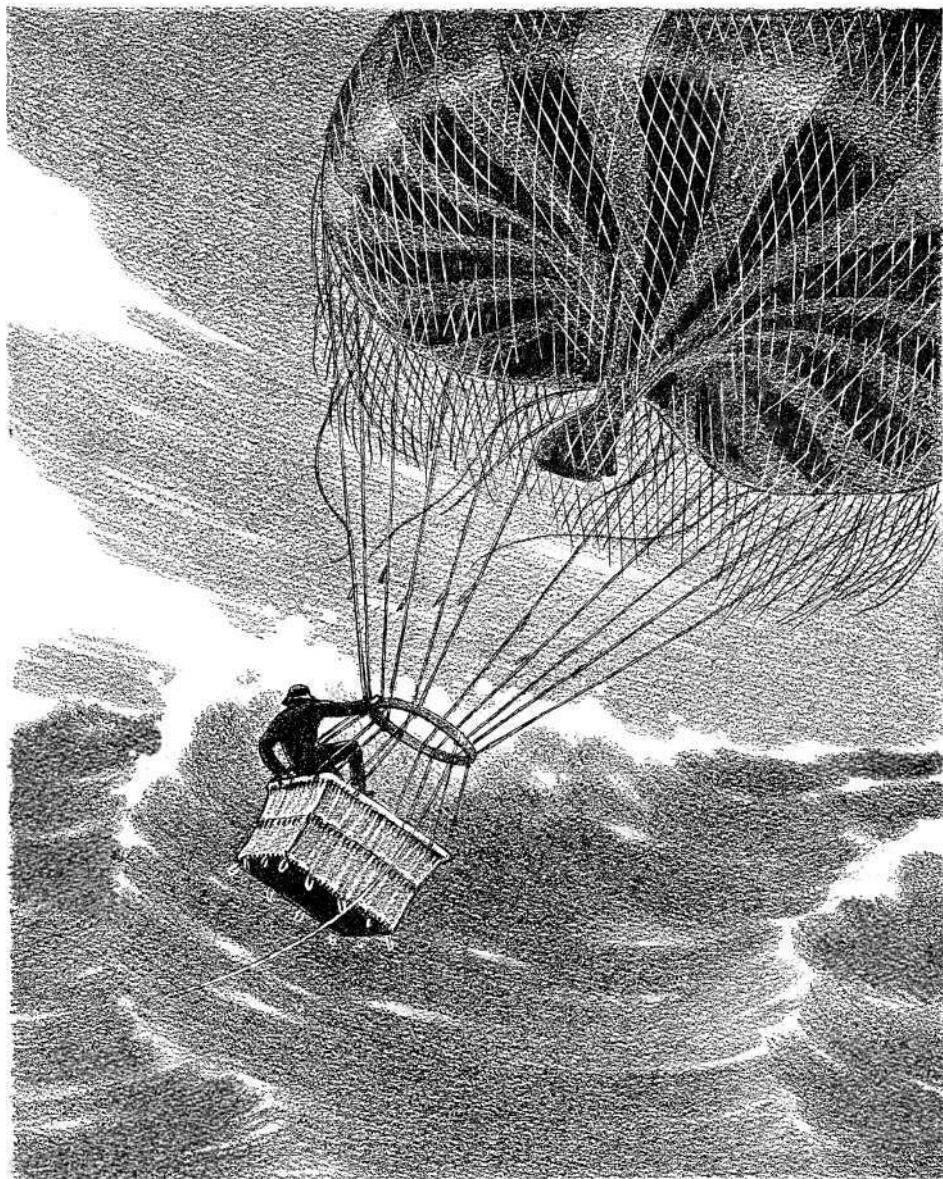

ВОКРУГ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 19

Геронческий полет. ...Дешамп взобрался на край корзины и громко призывал на помощь... Шар опустился почти до поверхности воды...

ВОКРУГ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 19

6Р в год за экземпляр журнал «Всем. След.» и «Вокруг Света» по 12 копеек, табл. «Море» за СССР по обл. журн. За границу подписать: плата высылка на 50%. За первую адрес — 20 коп.

Редация «Всем. След.» и «Вокруг Света»: Москва, Пушкинская, Лубянский, п.с., пом. 63. Подписка на журнал «Всемирный Следопыт» (только со всеми приложениями, по 1 или 2 руб.) принимается в конторе журнала (Москва, центр, Ильинка, 15) и во всех почтовых отделениях, а также единолично.

10Р в год журн. «Всем. След.» с приложением «Морь» (табл. и слова) 21 книг полного собрания сочин. Дм. Лондона (первая по д. о. в я в). РАССОУЖДА: при подписке — 8 р. октябрь — 2 р.

СОДЕРЖАНИЕ: Мертвая голова. Рассказ А. Беляева (продолжение). — За летучими собаками. Охота на острове Яве. Рассказ Ван. Шпигельмана. — Гибель Ревеля. Рассказ из времени гражданской войны на Каспии. В. Ветрова. — Гренландия — кодыбель штурмов. Черк. Д. Лоба-Михайленки. — 3 верные мишки. Очерк Н. Шибусева. — Великие люди на марках. — Кто больше знает? Ответы шестой серии. — По советской земле.

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Рассказ А. Беляева

(Продолжение)

Рисунки худ. А. Шпиг

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДУДУЩЕГО. Молодой ученый энтомолог Жозеф Морель, получив научную командировку, отправляется с двумя товарищами в Бразилию, в верховья реки Амазонки, для собрания коллекций насекомых. Увелиכים погоней за бабочкой *Aechontia Medor* («мертвая голова»), Морель один углубляется в местные лесные дебри. Бабочка ускользает, и ученый, утомившись преследованием, решает возвратиться в лагерь, чтобы к товарищам посетить к завтраку.

Неожиданно Морель попадает на место, обильно заселенное пауками. Получивши в свое время премию за труды о пауках, Морель интересуется различными видами этих насекомых, но... в первый раз в жизни ему приходится посмотреть на них не как на свою жертву, которую можно послать на булавку, а как на врага: огромный хищный паук «инкоза» бросается

на Мореля и долго преследует его. Изнемогая от усталости, ученый, наконец, принимает бег и избегается от своего преследователя, перебив у паука несколько ног... Между тем солнце уже подналоло к зениту. Выбрав свободное от пауков место, ученый устраивается на отдых. «Опоздал к завтраку!.. было последней его мыслью...»

Проснувшись Морель только вечером. Приступ голода и укусы многочисленных насекомых побуждают его действовать: нужно было во что бы то ни стало отыскать товарищей иначе он, безоружный, мог легко стать жертвой диких зверей. Едва ученый выбрал направление и углубился в чащу, как внезапно наступила ночь. Приходилось ночевать в лесу. Громогласный концерт ночных насекомых и животных тропического леса навевал жуть... Морель уснул тревожным сном...

Утром ученый набрал на реку и, решив, что он, вероятно, вывалит в Амазонку, отправился вниз по реке. Однако он скоро понял, что заблудился. В довершение всего он заболел тропической лихорадкой. Когда прошел приступ лихорадки, Морелю пришлось вынести новое испытание: неожиданно к нему подбегает пума и, ласкаясь загрызает его ногу. Очнувшись, ученый притворяется мертвым. Поиграв полчасе с бабочками, хищник уходит. Морель встает без единой царапины...

Вечером повторяется приступ лихорадки. «Сумасшедшая» пума возвращается и ложится рядом с ученым. Ночью Морель сквозь бред слышит рычание, рев и шум борьбы... Наутро аблизи находит распротертый труп яггара — вечного врага пумы. Кровавый след идет от места битвы и пропадает в зарослях... спасательница Мореля, пума, была тоже ранена...

V. Воздушное жилище.

Мореля охватило желание разыскать раненого зверя и, если можно, помочь ему. Несмотря на слабость, он отправился по следу. Но крова-

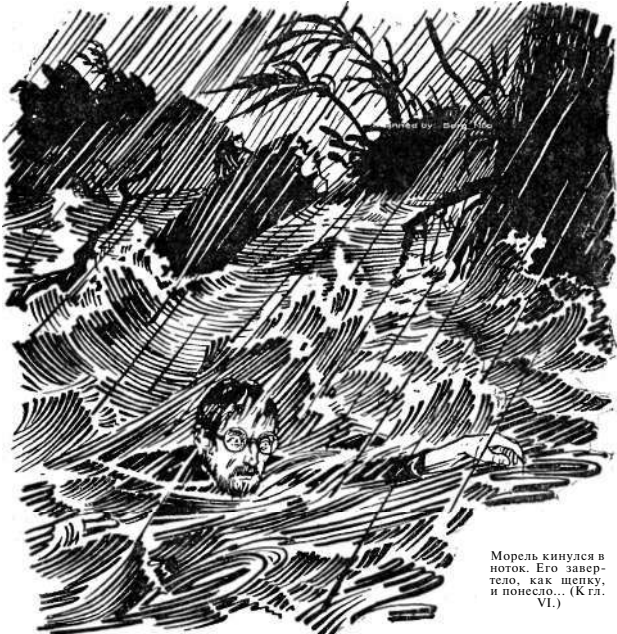
вый след уходил в густую чащу. Морель был еще слишком слаб, чтобы продолжать поиски. Сделав несколько десятков шагов, он упал у зарослей хинного дерева, выходя душистый запах розовых и желто-белых

цветов. У ног его валялась четырехгранная сломанная ветка.

«А ведь это хина! Почему бы мне не полечить свои лихорадки?» — подумал он и, отодрав зубами кору, начал жевать ее, морщась от горечи. Морель начал лечить лихорадку хинной коркой, подобно индейцам, которые издавна пользуются этим народным средством. Приступы лихорадки начали ослабевать, и скоро Морель почувствовал себя здоровым. Но он был еще очень слаб. Ему приходилось питаться только растительной пищей. К орехам он скоро прибавил новое блюдо — муку, которую он добывал из корня кассовы. Из этой муки он умудрялся делать даже лепешки, разжигая огонь увеличительным стеклом. Иногда ему удавалось полакомиться даже печеной рыбой. Он ловил ее на крючок, сделанный из булавки и воткнувший в конец прута. Приманкой служили черви и насекомые.

Морель еще не оставил мысли найти своих спутников или спуститься по одному из притоков к Амазонке и достигнуть жилых мест. Для этого он хотел использовать дождливое время года: с ноября по март беспрерывные ливни превращают ручьи в широкие реки. О направлении заботиться не нужно. Морель устроит плот, сделает запасы пищи и отправится в путь.

Однако в ожидании этого времени надо было подумать о более оседлом существовании. До сих пор Морель

Морель кинулся в ноток. Его завертел, как щепку, и понесло... (К гл. VI.)

жил, как лесной зверь: день бродил в поисках добычи и засыпал там, где застаивалась вода. Но так продолжаться не могло. Его лицо и руки были совершенно изъедены москитами и комарами. Когда Морель смотрелся в стоячие воды, он не узнавал себя: так опухло его лицо. Клещи заползали под одежду. Вырвать их с головой не удавалось. Если же в теле оставалась голова, на этом месте образовывался нарыв, который причинял Морелю большие страдания, чем живой, сосущий его кровь клещ. И Морель принужден был терпеть на теле целые колонии паразитов.

Но это было еще не все. Каждую минуту он рисковал встретиться с лесными хищниками: ягуаром, мексиканской дикой кошкой, красным волком, дикой собакой. Из них ягуар был самым страшным. Один ягуар погиб в борьбе с пумой, но тысячи их еще бродили в лесу. Иногда Морель замечал во тьме зеленые точки и спешил развести костер, добывая огонь кремнем. Но огонь нужно было поддерживать, и Морель не высыпался. В конце концов он решил, что самое безопасное — проводить ночь на ветвях высокого дерева, как это делали далекие предки. Он влезал на высокое дерево, усаживался среди сучьев и привязывал себя ремнем к стволу. Морель долго не мог привыкнуть к такой «спальне». Когда он засыпал, голова его опускалась, и ему казалось, что он падает с дерева. Морель в ужасе просыпался, инстинктивно хватаясь за ветви. Но современем он привык к своей воздушной кровати и хорошо высыпался. На высоте москиты и комары меньше беспокоили его. Крупные хищники не замечали добычи, укравшейся в густой зелени дерева.

Постепенно из каких-то глубин его существа поднимались и оживали первобытные инстинкты, утраченные человеком на протяжении тысячелетий культурной жизни. Морель научился крепко спать и в то же время прислушиваться к малейшему шуму. Слух и обоняние его обострились. Только глаза ученого оставались такими же близорукими. Впрочем, в очках он видел неплохо. Эти очки составляли предмет его непрестанных забот. Однажды, когда он спал на земле, положив возле себя очки, какая-то птица, очевидно, такая же любительница блестящих вещей, как сорока, подхватила клювом очки и унесла. Взмахи крыльев разбудили Мореля, и он погнался за птицей. К счастью, она уронила очки. С тех пор Морель никогда не снимал очков, даже во время сна.

Была середина сентября, и дожди перепали уже довольно часто. Они неожиданно налетали, опрокидывая на лес целые водопады, и так же быстро проходили. Ветви деревьев не могли защитить Мореля, и он промокал до костей. И Морель занялся устройством кровли над головой из ветвей и листьев. Это была трудная работа. Несколько раз он едва не срывался с дерева. Вдобавок ему приходилось вести борьбу с обезьянами. Достаточно было Морелю спуститься с дерева за сучьями и хворостом, как целые стаи обезьян собирались на его стройку и пытались «помогать». Может быть, они делали это с самыми лучшими намерениями, но после их набегов Морелю каждый раз приходилось начинать строить заново. Так продолжалось несколько дней, пока Морелю не посчастливилось найти очень прочные и тонкие вышедшие растения, которыми он туго связал остов крыши. Убедились ли обезьяны, что человек хорошо справляется с работой без их помощи, или им надоела эта новая забава, но скоро они оставили его в покое, и Морель благополучно достроил свое временное жилище. Теперь он был защищен от дождя. Морель втащил к себе на дерево даже некоторые запасы пищи: муки из каштанов, орехов и меда медовых мух — свое новое приобретение. Эти запасы могли пригодиться во время плавания. Вместе с тем они освобождали его от необходимости искать пищу во время дождя.

В его новом жилище было подобие кровати, сделанной на ветвях и устланной мхом и листьями. Теперь он мог с некоторым комфортом растянуться. Когда дождь мешал ему заниматься устройством плота, Морель лежал у себя на дереве и переносил мысль в Париж. Но это было так далеко и так непохоже на то, что окружало Мореля, что Париж казался ему далеким сном.

В солнечные дни Морель усиленно трудился над устройством плота. Без топора работать было трудно. Морель нашел несколько острых кремней и попытался сделать каменный топор, перейдя, таким образом, к следующей ступени культуры — в каменный век. Зажав кремень в рогатину, Морель привязал его к топоричу тонкими лианами. Но кремень соскочил с топорича при первом же ударе. Тогда Морель решил сделать топор по всем правилам искусства, пробив дыру в кремне ударами другого кремня. Этот египетский труд истомил его. Морель с отчаянием бросил работу...

«Нет, видно, я не гожусь в робинзоны!..»

Однако мысль о топоре не оставляла его. Дерево легче поддается обработке. Надо начать с топорича. Морель нашел подходящий корявый сук крепкого железного дерева и начал прожигать углями «огильное ушко» — продолговатую дыру. Это была тоже египетская работа, но все же дерево поддавалось обработке легче кремня. Скоро «огильное ушко» было готово. Морель вставил острый плоский кремень и закрепил его растительными волокнами, старательно для этого приготовленными. Этот топор скорее напоминал булаву с необычайно большим набалдашником — так много намотал Морель «веревочек», — но все же это был топор. Он перерубал, вернее, перебивал ветви в палец толщиной. Он мог служить некоторой защитой. Таким топором можно было даже срубить толстое дерево. Но, занявшись «хронометражем», Морель считал, что на каждое дерево потребовалось бы не менее месяца. А ему для плота нужен был, по крайней мере, десяток деревьев. Морель принял. При такой быстроте работы ему не выбраться ранее чем через год...

Тогда Морель решил использовать для плота бурелом и стволы подходящей длины, валявшиеся в русле высохших рек. Их приходилось тащить отовсюду, часто издалека. Морель изнемогал от этой непосильной работы. Чтобы найти бревно подходящей длины, ему иногда приходилось уходить на расстояние целого дня пути от своего жилища. В этом лесу, однообразном, несмотря на все расточительное многообразие древесных пород, очень легко заблудиться. И Морель, уходя на поиски стволов, делал кремневым топором отметки на деревьях.

Наконец материал для плота был собран. Морель торопился. Провлинные дожди шли уже каждый день, и высохшие русла рек наполнялись водой. К счастью, вода прибывала не так быстро, как ожилал Морель: высокая почва впитывала в себя огромное количество влаги, прежде чем насыщалась и пропускала воду дальше.

Морель связал плот, сделал большое прикрытие от дождя для себя и запасов пищи, сзади прикрепил руль из шести с видкообразным концом, переплетенным растениями, и начал ждать, ежедневно посматривая на уровень воды. Наконец она поднялась до плота, лежавшего на берегу. В этот день дождя не было.

«Сегодняшнюю ночь я еще могу провести на дереве, — подумал Морель. — Но это будет моя последняя ночь. Через несколько дней из древесного жителя я превращусь в человека двадцатого века». — И он забрался на свое дерево.

VI. Неудачное опытие.

Ночь была тихая, но необычайно душная. Изредка бесшумно вспыхивали молнии далекой грозы. «А дождь все-таки будет. Ни комаров, ни москитов нет — попрятались», — думал Морель засыпая.

Перед утром страшный удар грома разбудил его. Гроза разразилась внезапно; кругом гремело, словно кто-то открыл двери гигантской кузницы. Лес полыхал голубым мерцающим пламенем. Раскат за раскатом, словно канонада пушек, стрелявших у самого уха, слились в невообразимый гул. Зловещий зеленовато-белый свет зажегся на небе. Ветер все усиливался, но дождя еще не было. Внезапно небо опрокинуло на землю целый океан воды. Это не был дождь, даже не ливень. Водная стихия обрушилась сплошной массой...

— Пора! — крикнул Морель, но он не услышал своего голоса. Наскоро собрав свои пожитки, Морель спустился по дереву, цепляясь за сучья. Несмотря на то, что его защищали навес и густая листва, Морель через минуту был мокр, как рыба в воде. Падавший с неба водопад оглушал его, слепил глаза, давил на череп. Но Морель бежал, не останавливаясь. Вот он у плота. При свете непрекращавшейся молнии Морель увидел, что вода залила половину плота. Морель взбежал на плот и влез в шатер. К его удивлению, здесь было почти сухо. Недаром он потрудился, густо устлая крышу крупными и плотными листьями!

«По крайней мере, я не буду испытывать во время путешествия недостатка в пресной воде», — подумал он, чувствуя нервный подъем духа. Однако эта радость скоро сменилась беспокойством: вскоре он почувствовал, что вода появилась на поверхности плота. Морель приподнялся, но вода скоро достигла шиколоток ног и прибывала беспрерывно. Его плот решительно не всплывал. Быть может, он зацепился за что-нибудь? Должен же подняться хоть один его край! Для рассуждений, однако, не было времени. Вода уже доходила до пояса и угрожала смыть с плота неудачного путешественника вместе с шатром и пожитками.

Морель ничего не оставалось, как спастись бегством на берег. Но и

это было нелегкой задачей. Вокруг него бушевал поток, унося в своем бешеном стремлении вывороченные с корнями деревья. К счастью, Морель был неплохой пловец. Бросив на произвол судьбы запасы продовольствия, он решил спастись только себя и научные инструменты, помещавшиеся в мешке за спиной. Морель кинулся в поток. Его завертело, как щепку, и понесло. Не менее полчасу ему пришлось бороться с течением пока, наконец, на крутом повороте его не прибило к берегу.

Морель вылез, весь покрытый зеленой тиной и тонкими длинными листьями.

«Часы безнадежно испорчены, — подумал он. — Придется жить по солнцу. Но это — не беда. Главное — плот. Почему он не поплыл?..»

Буря промчалась с такой быстротой, как это бывает только в тропиках. Ветер сдернул сизую завесу с неба, открыв второй, голубой полог. Выглянуло солнце, и лес внезапно ожил. Вылезли обезьяны, отряхнули, как собаки, намокшую шерсть и стали сушиться на солнце, шумно болтая и, вероятно, делясь на своем языке впечатлениями о пронесшейся буре. Деревья расцвели яркими красками перьев попугаев; пчелы и осы спешили пополнить запасы пищи до нового ливня. Лес жил полной жизнью, все живое веселилось, пожирая друг друга...

Один Морель был чужд этому веселью. Понуро возвращался он берегом бушевавшей реки к своему брошенному жилищу.

Вот и место, где он строил плот. Но от него не осталось и следа. Шалаш сорвало, а плот попрежнему покоился на дне.

— Но в чем же дело, чорт возьми? — раздраженно крикнул Морель.

Он взял валявшийся на берегу кусок железного дерева, из которого был сделан плот, бросил в воду и тотчас воскликнул:

Стаи обезьян собирались на стройку и пытались «помогать» Морелю...

— Есть ли еще на свете такой осел, как я!

Обрубок потонул, подобно камню. Железное дерево было слишком тяжело и не могло держаться на воде...

Тяжелый урок! Опустив голову, Морель смотрел на кипящую реку, в водах которой было погребено столько усилий и труда...

Дожди шли почти беспрерывно. Морель был похож на земноводное животное, так как тело его почти не просыхало. Он жил как бы в водной стихии, только более насы-

шенной воздухом, чем воды океана. Температура почти не понизилась, но влажность невероятно увеличилась. Едва утихал дождь, как белая пелена тумана застилала все вокруг. Горячий влажный туман до такой степени наполнял легкие, что у Мореля по временам поднимался душный кашель. Его организм так наполнился влагой, что Морель почти не пил воды. Единственным утешением этого времени года было то, что Морель отдохнул от комаров и москитов. Клещи, смывые с листьев деревьев, также меньше беспокоили его.

Мореля приводила в ужас мысль, что ему придется отложить путешествие еще на год. И он решил во что бы то ни стало отправиться в путь до окончания периода дождей. Глядя на грязные бурные воды потока, поднявшего со дна тысячи тонн ила, Морель обратил внимание на огромное количество тростников и вырванных с корнем стволов бамбука, плавших на поверхности. Легкие, полные внутри, они как бы самой природой были предназначены для устройства плота. К тому же с этими стволами легко мог справиться кремневый топор Мореля.

— Вот из чего надо было сделать плот! — воскликнул Морель.

И он вновь принялся за работу под непрекращавшимся проливным дождем. Работа пошла быстрее, чем он ожидал. Ему не приходилось даже искать и собирать бамбуков: каждый день река выбрасывала на берег огромное количество бамбуковых палок. Морелю приходилось только выбирать, связывать и складывать стволы. Через несколько дней плот был готов. Оставалось лишь стащить его в воду. Несмотря на легкость материала, из которого был сделан плот, он представлял значительную тяжесть для одного человека. Берега были размыты, и работать приходилось в непролазной грязи. Морель придумал целую систему рычагов, пользуясь вместо веревок тонкими гибкими стволами ползучих растений. Но сдвинуть плот оказалось труднее, чем построить его. Концы бамбуковых палок то и дело врезывались в грязь и застопоривали движение. Приходилось бросать работу, чтобы поднимать увязший в грязи край плота. Иногда в продолжение целого дня работы Морелю удавалось сдвинуть плот всего на несколько дюймов. Морель приходил в отчаянье. Наконец сама природа пришла ему на помощь. Напоенная дождями земля уже не вбирала в себя прежнего ко-

личества влаги; между тем небесные запасы воды казались неистощимыми.

Уровень воды в реке быстро поднимался. Морель сделал последние приготовления и переселился на плот. В тот же вечер он почувствовал, что плот медленно поворачивается, накрensя набок. Еще один момент — и плот был подхвачен течением и понесся по бурлящей реке. Морель торжествующе крикнул. Однако радость оказалась преждевременной. Его закрутило в водовороте, как волчок. Огромный конец дерева вынырнул из воды и ударил в плот с такой силой, что тот едва не перевернулся. Морель перебежал на высокоподнявшийся край плота, выравнивая его и взялся за шест. Теперь он мог торжествовать. Плот летел стрелой среди мусора, обломков деревьев и вырванных с корнем пальм, — туда, к людям, в двадцатый век...

Морель внимательно оглядел воду. Река разлилась на огромное пространство, затопив низменные берега. Целые роши пальм стояли в

воде, задерживая своими стволами кучи хвороста и листьев...

Перед утром Морель заметил, что плот движется медленно. Когда рассвело, он увидел, что его занесло в одну из обширных речных заводей.

Положение Мореля было не из веселых. Рассчитывая на течение, он не догадался сделать весло. Он еще раз выругал себя oneself, однако, это не помогало делу...

Морель попробовал оттолкнуться шестом. Но как только ему удалось протолкнуть плот в русло реки, шест переставал достигать дна, и плот снова медленно относило в завою. Морель решил отдаться на волю течения, налегая, что оно, совершив круг, вынесет его из заводи. Плот медленно поплыл к тинистому берегу и, наконец, дрогнув, остановился. Рискаю надеваться, Морель налегал на шест, но от этого плот, погрузившийся нижними палками в тину, еще больше увязал.

Морель бросил шест, упал на плот и уснул, истомленный волнениями прошлого дня и бессонной ночью...

(Продолжение в след. №)

ЗА ЛЕТУЧИМИ СОБАКАМИ

Охота на острове Яву

Рассказ Ван-Цантена

I. В лесу хлебных деревьев.

Мой слуга, малаец Токо, сообщил, что недалеко от селения находится лес хлебных деревьев, кишаший летучими собаками. Мне захотелось воспользоваться случаем поохотиться на этих животных.

Токо исправил свой лук, а я вычистил ружье. Старый Тонгу осмотрел челнок и наполнил его съестными припасами — кокосовыми орехами, бананами и лепешками из ямса¹⁾.

Рано утром, до восхода солнца, мы все трое сели в челнок и поплыли по лагуне. Кругом тянулись причудливые рифы. Коралловые острова адели над водой, словно окровавленные тела гигантов.

1) Ямс — съедобное корневище дерева диоскореи (*Dioscorea sativa*), достигающее 1 м длины и 17 кг веса.

Рано утром мы поплыли в челноке по лагуне...

люй мужчина. Он потягивался, стряхивая с себя сон. Подле него возилась женщина с ребенком, а на реке купалась группа темнокожих мальчишек. Они визжали, как веселые попугаи, и брызгали друг в друга водой.

Наконец мы достигли большой рощи хлебных деревьев. Я вышел с ружьем на берег и пошел в глубь чащи. Вековые деревья, вершины которых были зелены и густы, не пропускали ни света, ни воздуха. Несмотря на раннее утро, в лесу было душно. Ноги утопали в толстом слое мха. Там и сям виднелись листовые растения с большими красными цветами. Деревья были оплетены лианами.

В лесу было тихо. Никаких признаков летучих собак! Я долго бродил среди хлебных деревьев. На некоторых висели зрелые плоды. Тонгу набрал хлебных плодов и понес их в челнок.

— Никаких летучих собак здесь нет! — проговорил он ворчливо.

— Они уже улетели в мангровые заросли, — сказал Токо. — Летучие собаки любят темноту и прилетают за плодами хлебного дерева только ночью.

— В таком случае мы поведем в мангровые заросли, — заявил я.

Мы снова сели в наш узкий челнок и поплыли дальше по лагуне.

II. В мангровых зарослях.

Лес хлебных деревьев остался позади. Вдоль берега лагуны пошла заросли густых высоких камышей. Чем дальше, тем выше. Полное впечатление джунглей...

Тонгу направил челнок прямо в заросли камышей. Проехав еще немного, мы приблизились к мрачному, темному мангровому лесу. Деревья росли прямо из воды, сплетаясь друг с другом ветвями. Тысячи корней висели в воздухе, опутанные лианами.

В лесу было сумрачно и прохладно. Не слышно было пения птиц, стояла мертвая тишина.

Водный проток, по которому мы пробирались на челноке, все суживался; тишина становилась еще более глубокой. Ветви, листья и лианы висели неподвижно, словно театральные декорации. В мангровых зарослях становилось все темнее, и в двадцати шагах уже ничего нельзя было рассмотреть.

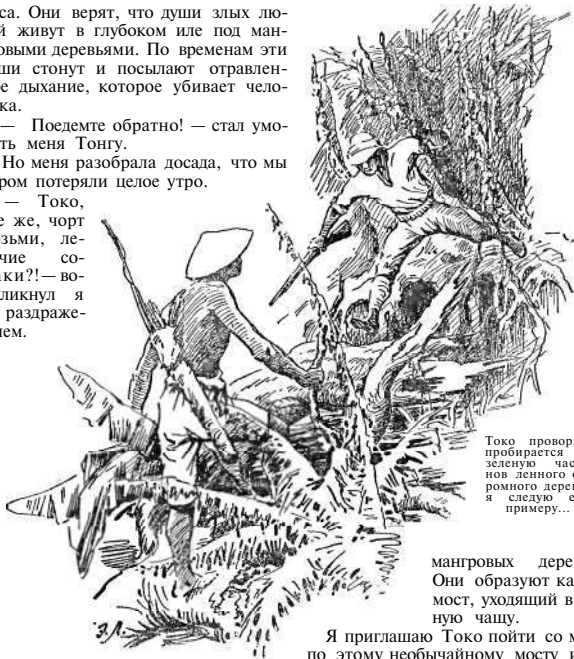
Тонгу объявил, что и в этом лесу нет летучих собак, и посоветовал ехать обратно. Малайцы очень боятся мангровых зарослей и одни никогда не осмеливаются ходить в эти

леса. Они верят, что души злых людей живут в глубоком иле под мангровыми деревьями. По временам эти души стонут и посылают отравленное дыхание, которое убивает человека.

— Поедемте обратно! — стал умолять меня Тонгу.

Но меня разобрала досада, что мы даром потеряли целое утро.

— Токо, где же, чорт возьми, летучие собаки?! — воскликнул я с раздражением.

Токо проворно пробирается на зеленую часть нов ленного огромного дерева; я следую его примеру...

мангровых деревьев. Они образуют как бы мост, уходящий в темную чащу.

Я приглашаю Токо пойти со мною по этому необычайному мосту и поискать летучих собак. Токо соглашается. Мы причаливаем и вылезаем из челнока прямо на дерево, лежащее на берегу; оно во многих местах сгнило и ломается под ногами.

Мне приходит мысль: «А что, если рухнет этот живой мост и мы с Токо провалимся в черную тину, издающую кислое зловоние?»

Токо проворно, как обезьяна, пробирается на зеленую часть дерева и перепрыгивает на соседнее. Я следую его примеру. Мы пробираемся по мангровым деревьям добрую четверть часа. Наконец мы спрыгиваем на землю и ступаем на болотистую почву.

Стало значительно легче идти. Вскоре мы очутились на сравнительно открытом месте; папоротники достигали нам до груди. Пройдя еще минуты три, мы увидели над собою синее небо. Мы вышли на лесную прогалину. Недалеко от нас начинался великолепный лес хлебных деревьев. Сверкающие темно-зеленые вершины простирали друг к другу развесистые ветви с большими широкими листьями. Высоки над вершинами деревьев летали две strane птицы, похожие на больших сов. Я хотел было выстрелить, но Токо схватил меня за руку.

— Несколько дней назад я видел их много-много... — смущенно оправдывался Токо.

Мы отправились дальше. Незнакомый с фарватером мог бы легко заблудиться в этом темном лабиринте, под зеленым сводом мангровых деревьев. Но Тонгу и Токо хорошо знали эту местность, и я был спокоен.

Водный проток поворачивает направо. Тонгу направляет челнок к камышам. Здесь около берега, — если можно назвать берегом смесь ила и воды, — лежит гигантское мангровое дерево, упавшее от старости. Вокруг ствола торчат его корни, словно ребра раздавленной груди. Сонно свисают лианы с соседних деревьев.

Лес становится немного реже. Слышно воркованье голубей. Появляются попугаи. Эти птицы очень любопытны и, услышав удары наших весел, вылетают из чащи и внимательно разглядывают нас...

III. Летучие собаки.

Водный рукав еще более суживается. На берегу хаотически громоздятся стволы поваленных бурей

— Это — летучие собаки, — топотом проговорил он. — Подожди, пока они садут. Теперь — время их сна. Вся стая уже на деревьях...

Странные существа покружились еще немного в воздухе, словно выматривая дерево поудобнее. Опустившись, они падали, словно под тяжестью собственного тела, сложив крылья. Достигнув вершины дерева, они расправили крылья и плавно опустили на ветви. Сдержанный свист и ворчанье раздалось сверху: стая засыпала.

Высоко у вершины, в прохладной лиственной тени, летучие собаки висели рядами, ярус над ярусом, словно окоорока в копилльне. Они крепко спали вниз головой, завернувшись в крылья. С первого взгляда их можно было принять за причудливые птичьи гнезда...

Я тщательно прицелился и выстрелил в одну из собак.

К моему удивлению, животное осталось висеть невредимым. Казалось, оно не было задето пулей. Я снова выстрелил. Тот же результат. Давно уже мне не случалось так неудачно стрелять!

Мне хотелось выстрелить еще раз, но в стая произошло движение.

Выстрел разбудил летучих собак. Животные тревожно высободили из-под крыльев головки с острыми ушами. Через несколько мгновений они были уже вне досягаемости.

Только одна собака осталась висеть — та, в которую я стрелял. Я нацелился в нее и хотел выстрелить еще раз. Внезапно животное, не расправив крыльев, тяжело упало на землю.

Я раскрыл глаза в изумлении. Токо смеялся. Оказывается, я убил собаку сразу, первым же выстрелом. Однако животное после смерти остается еще минут пять висеть на дереве на большом палец. Только после того, как

сухожилия окончательно ослабеют, падец разжимается от тяжести животного, и оно падает. Этим объяснялись мои неудачные выстрелы.

Я и Токо осторожно пошли от дерева к дереву в поисках летучих собак. Вскоре мы набрали на новую стаю. Я застрелил несколько штук.

Токо застрелил из своего лука также несколько животных. Малайцы не любят убивать летучих собак, так как обычай запрещает их есть. Кроме того, летучих собак очень трудно убивать из лука — они висят слишком высоко. Малайцы уничтожают только тех, которые Прилетают на посаженные рукой человека хлебные деревья. Нередко в яванских деревнях жители по очереди ночью стерегут роши хлебных деревьев, иначе летучие собаки очистят все деревья от плодов.

Скоро, мне надоело стрелять в неподвижных животных, и мы двинулись обратно. Последнюю собаку я только ранил, и она, еще живая, с жалобным писком упала на землю.

Когда я разыскал животное в траве, оно было уже мертво. Глаза его были широко раскрыты. Однако в крыльях, судорожно закрывшихся после смерти, я почувствовал слабое движение. Раздвинув крылья, я увидел крохотного детеныша, цеплявшегося четырьмя лапками за грудь матери. Тонкие перепонки лапок детеныша так крепко прильнули к еще теплomu материнскому телу, что я не мог оторвать их.

Детеныш не замечал меня. Внимание его было сосредоточено на груди матери, которую он продолжал жадно сосать. После вторичной неудачной попытки оторвать детеныша от мертвой матери я решил оставить его и поспешил к Токо, который подбирал в траве убитых животных...

Раздвинув крылья, я увидел крохотного детеныша, цеплявшегося за грудь матери...

ГИБЕЛЬ „РЕВЕЛЯ“

Рассказ из времен гражданской войны на Каспии В. Ветова 1)

Еще за час до того, как разыгрались эти события, все было тихо и мирно в рыбацком поселке Баутинском, расположенном на узенькой песчаной косе, которая отделяет тихую красивую бухточку от бесполой Каспия.

Как всегда, женщины и дети чинили сети, точили крочки самоловов, а отцы и седые деды ушли в море на быстрых двухмачтовых подчалках ловить осетров и востроносых севрюг.

Однако бухточка имела не совсем обычный вид. Уже с неделю как сюда пришли и отдали якоря шесть больших пароходов. Никогда еще в бухте не было такого скопления крупных судов; лишь раз в неделю заходил почтовый пароход.

Необычайнее всего был вид прибывших судов. Они пришли под красными флагами, на них не видно было ни щиков, ни туюков с товарами; на носу и на корме серыми бревнышками четко вырисовывались длинные пушки, не вязавшиеся с будничной суетой рыбацкого поселка.

До сего времени рыбаки лишь урывками слышали, что на их море идет война и что дерутся какие-то «красные» и «белые». Здесь, на глухом берегу Каспия, где русский рыбацкий поселок случайно вкрапился среди аулов туркменов и киргизов, никто хорошо не знал, кто такие были красные и белые и чего они добивались. Было известно, что красные — русские. Но белые... Они говорили, что будто белые — тоже русские; другие говорили, что они — англичане, третьи уверяли, что белые — русские, но начальство у них английское. Предполагали, что англичане хотят завоевать у русских Каспийское море. Фельдшер из старого форта Александровского уверял, что будто

1) По рассказу рыбака-очевидца.

Рыбаки, возвращаясь в лова, глазели на пришельцев...

бы англичане уже завладели Кавказом...

Многие не верили военным судам, пока, наконец, неделю назад не прибыли шесть торговых пароходов, на которых оказались пушки и войско. Пришедшие сообщили, что они — красные и борются за свободу против насильников и угнетателей — белых. Последние действительно заняли Баку.

Первые два дня после прибытия пароходов рыбаки, возвращаясь с лова, собирались у пристани и подолгу глазели на пришельцев, судача между собой. У пристани стоял большой пароход «Ревель». Он имел самый миролюбивый вид, и лишь серебряная пушечка на его носу говорила о том, что пароход на старости лет затеял что-то для него непривычное.

На корме «Ревеля» были сложены странные круглые предметы 1), назначение которых было неясно для рыбаков. Кто-то сказал, что эти шары содержат в себе страшную силу и могут враз потопить какой угодно пароход.

Дед Трофим, седовласый рыбак, неодобрительно качал головой.

— Страсти, страсти-то какие! — приговаривал он, разглядывая с берега таинственные черные шары.

Война была решительно непонятна старику. Жизнь его мирно протекала в этом заброшенном уголке.

Здесь люди только и знали, что свое море. Каспий был так щедр, что рыбаки еще не стали кивались с нуждой. Трофим и не подозревал, что где-то в далекой России люди терпят голод, нищету... И, слушая речи прибывших моряков, Трофим недоумевал, зачем люди воюют и почему одни из них — освободители, а другие — угнетатели. Трофиму не верилось, что к ним в поселок может притти неприятель и что тут может быть пролита кровь. Глядя на пароход, дед сам себя успокаивал: «Небось, постоят, погостят у нас да потихонечку и уйдут. Мы народ неозорной!.. Какая с нами война!.. Зря брешут все... зря... Быть этого не должно...»

* * *

Прошла неделя. Пароходы все еще стояли в бухте, и рыбаки привыкли к новым гостям.

Трофим возвращался с лова на своем черном просмеленном подчалке. Два молодых внука помогли Трофиму управляться в море с сетями и парусами. Теперь, глядя на них, дед думал о том, какими славными, толковыми рыбаками будут они годика через два...

Резкий, непривычный звук военного рожка вывел Трофима из раздумья. Трубили на пароходе «Туман», где, как говорили, находился командующий эскадрой.

— Дедушка, глядь, чего это поднимают на мачте! — сказал один из внуков, указывая на пароход.

Трофим обернулся и увидел, как под клокотком 2) высокой мачты «Тумана» взвилось несколько пестрых флажков... На всех пароходах забегали и засуетились люди; раздались звуки рожков. Трофим заметил, как к пушкам подбежали матросы и солдаты в рубахах защитного цвета. Они сняли с орудий чехлы и завертели какие-то колесики, отчего серые зерла стали подниматься и поворачиваться в сторону поселка, расположенного на косе.

«Ужели белые?... Серше Трофима болезненно сжалось. — Ужели прольется кровь, будет убойство?»

Трофим с беспокойством обернулся на родное селение. Несколько

матросов со всех ног бежало к пристани. Трофим круто повернул подчалок и пристал к берегу. Оставив снасти и пойманных осетров на попечение внуков, дед кинулся домой. У пристани он встретил двух людей в штатском, повидимому, рабочих, которые спешили на «Ревель». Они чуть не сшибли с ног старика.

— Белые пришли!.. Англичане!.. — крикнули они на ходу, когда он спросил, что случилось.

Всего полчаса назад Трофим отгнал на подчалке песчаную косу и в море не видел других судов, кроме подчалков соседей. Где же были белые и когда они успели притти в поселок?... Трофим быстро шагал по берегу и недоумевал: женщины как ни в чем не бывало сидели возле домов и чинили сети; рыбак Никита неторопясь смолил бударку, дети резвились на песке. Врага нигде не было видно. Или посмеялись над стариком молодые рабочие?..

Далекий гром откуда-то из-за косы раскатисто прогремел в море. За домиками поднялась куча пыли, и резкий удар потряс воздух.

— Белье!..

Никита бросил работу и начал недоумевающе озираться по сторонам. Женщины подняли головы и перереглянулись. Громко заплакала испуганная девочка.

— Белье! — крикнул кто-то. —

Белье идут с моря... там, за косой!..

— Белье!.. Белье!.. — было у всех на языке. Люди вопросительно смотрели друг на друга.

Снова прогремело с моря, и песчаное облако с треском взвилось над белыми домиками рыбаков.

Трофим перебежал улицу, повернул в переулочек и вышел к задним домам. Отсюда далеко было видно море, белыми языками лизавшее косу. Вали серым пятнышком маячил корабль. Бурый дымок тонкой полоской стлался за ним. А еще дальше, там, где небо сходилась с воюю, серым облаком чадили многочисленные неведомые суда...

Оглушительно грохнули красные пароходы, и через крыши домов, через головы женщин и детей провились невидимые снаряды.

Трофим увидал, как в море вынырнули серыми столбиками всплески падавших снарядов. Судно, по которому стреляли красные, повернуло и пошло туда, где дымили далекие корабли белых. Стрельба прекратилась.

«Конечно или еще будет?», с тоской спрашивал себя Трофим.

Серый корабль уходил к далеким дымам, коптившим на горизонте.

1) Мины заграждения.

2) Клокот — верхушка мачты.

Это был разведчик эскадры белых. Он обнаружил в бухте за косяком сравнительно слабый отряд судов красных и спешил донести об этом английскому начальнику, командовавшему белыми. Красные поняли, что бой неминуем; пароходы их развлекли пары, палубы поливались водой.

С моря спешно возвращались рыбаки подчалки. Перепуганные ловцы, услышав гром первых выстрелов, поросали сети и спешили к родным гнездам. Однако семьи не дожидались отцов. При первых же снарядах, просвистевших над домами, поселок зашевелился, как потревоженный муравейник. С причитающими и плачем женщины и дети бросились бежать в разные стороны.

Трофим и Никита, наблюдавшие за далекой неприятельской эскадрой, вскоре заметили, что она стала приближаться к косе.

— Ну, дед, нечего нам тут с тобой делать... Сейчас кругом смертоубийство пойдет. Нужно в море выходить — только одно спасение и остается. Дом все равно не спасешь, а лодки надо бы выручать.

Оба рыбака спешно зашагали к берегу. Подчалок Трофима нахо-

дился неподалеку от пристани, у которой попрежнему стоял причаленный «Ревель». Густой бурый дым валли из труб парохода. Трофим оглянулся по сторонам, ища звуков, но они все куда-то исчезли. Старик направился было к дому, в надежде, что застанет там молодежь, однако, не успел он отойти от подчалка, как снова услышал оглушительный гром с моря. Белые приближались... Тяжело прошипел над косяком снаряд и ударил в «Ревеля». Клубок светлого дыма вспыхнул в носовой части парохода, и Трофим увидел, как серенькая пушечка, кувырнувшись за борт, грохнулась на пристань. Еще и еще прогудели снаряды, и снова треснуло в корпусе «Ревеля». Взвилось желтое пламя и жадным языком лизнуло трубу парохода. «Ревель» горел!... Едкий серый дым, просачиваясь из деревянных надстроек, показался над палубой. Забегали, замесались люди. Кто-то громко кричал. Два-три человека в штатском платье прыгнули с борта на пристань. За ними неудержимым потоком бросились остальные, покидая пылающий корабль. Невозможно было бороться с огнем, вспыхнувшим сразу в разных местах.

Все это произошло в несколько минут. Между тем старик дрожащими руками силился сдвинуть совы грузный подчалок; однако, напрасно — суденшко крепко врезалось в песчаное дно. Что было делать? Надо было скорее бежать. Трофим невольно вспомнил о страшных черных шарах, сложенных на корме горящего парохода, и понял, почему так поспешно матросы отбежали от пристани...

«А что, если эти шары?..» — с ужасом подумал Трофим.

Сейчас погибнет и он и его любимый подчалок. Пропадут и суденышки соседней, мирно покачивающиеся рядом с «Ревелем». Вот-вот загорится деревянная пристань...

Звать на помощь было бесполезно: людям было не до того. Закипал горячий бой. Снаряды белых то-и-дело перелетали через косу, шлепались в воду и взрывались, ударяясь о твердые предметы.

На частую палубу неприятеля красные отвечали жарким огнем. Видно, пропалать рыбацким подчалкам — зажжет их «Ревель», погубит своими черными шарами!..

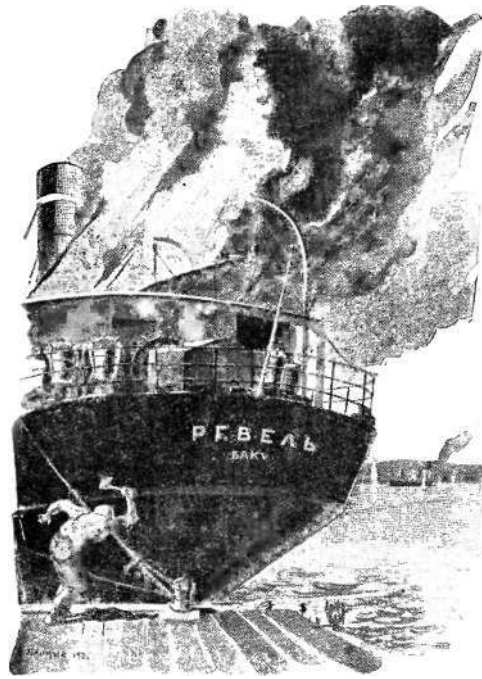
Внезапно старик принял решение. На дне его подчалка лежал топор, который он брал с собой на рыбную ловлю. Схватил Трофим топор и побежал к дымящемуся кораблю. Сурово было лицо старого рыбака, а между бровей залегла глубокая складка...

Туго натянулись, словно гигантские струны, толстые пеньковые канаты, замотанные вокруг чугунных кнехтов на пристани. Они крепко держали «Ревеля». Зажмурившись от дыма, размахнулся Трофим топором. Раз, другой ударил старик. Лопнул канат, и корма парохода начала медленно отползать от пристани. Перебежал старик к носу, снова хватил топором по канату...

Пылающий «Ревель» медленно отошел от пристани, подгоняемый ветром и зеленой волной. Никем не управляемый, он стал боком наваливаться на пароход «Эмба». Казалось гибнущее судно просило помощи и защиты у товарища. Еще немного — и навалится «Ревель» бортом на «Эмбу»... Однако моряки не растерялись. Под свист снарядов, навалившись на шесты, оттолкнули они полыхавший «Ревель»...

Трофим видел, как на отплывшем «Ревеле» загорелась деревянная мачта, лопнули тросы, мачта рухнула на почерневшую трубу, из которой попрежнему валил бурый дым (коцегары, покидая пароход, не затушили топок). Рухнувшая мачта нажала на клапан, и гудок парохода внезапно заревел. Мощным голосом обдавал старый «Ревель». И теперь, умирая, страдалец-пароход, покинутый людьми, закричал протяжно, оглушительно... В крике его слышалась тоска, чулился буйный призыв к отмщению. От этого предсмертного рева кровь стыла у людей, волосы становились дыбом. Грохотали орудия, выли снаряды, свистели и шипели осколки, гремели цепи выбираемых якорей, а израненный «Ревель» все покрывал своим душераздирающим воплем...

Пароход все уносило. Между тем огонь добрался до кормы. Внезапно оглушительный гром прокатился над бухтой, над поселком, над степью. Дрогнула земля под ногами Трофима, дронул воздух, и покачнулся старый рыбацк. Густой желтый дым окутал пароход и скрыл от глаз рыбака. Высоко подскочила почерневшая труба, звзвилась к небесам обгудлившаяся

Раз, другой ударил старик...

Жарко досталось в этот день красным пароходам! В отряде белых было два настоящих военных корабля с дальнбойными орудиями. Пароходы красных, временно вооруженные легкими пушками, не могли выдержать тяжелых снарядов. Геройски сопротивляясь, вслед за «Ревелем» погибли в бухте: «Эмба», «Демосфен» и «Туман». Бой кончился, когда меткий снаряд, пущенный красными, угодил в корабль белых, на котором находился английский начальник.

Белые почему-то отступили... Со страхом возвращались вечером семьи рыбаков к опустевшим домам, над крышами которых пролетело столько снарядов. Их ожидала радость. Благодаря счастливой случайности дома уцелели, только в окнах полопались почти все стекла...

Трофим жив до сих пор. Он так стар, что больше не выходит в море. Нередко рассказывает он о том, как кричал умирающей «Ревель» и как погибли «Демосфен» и «Туман» в неравном бою. Эти корабли все еще лежат на мягком песчаном дне бухты. Зеленые волны безмятежно плещутся над их трупами...

Густой желтый дым окутал пароход...

мачта. Во все стороны полетели дымящиеся раскаленные куски.

Разом смолк зычный гудок...

Порыв ветра разорвал тучу дыма, и Трофим увидал, что там, где только что ревел пароход, теперь колыхалось море...

ГРЕНЛАНДИЯ—КОЛЫБЕЛЬ ШТОРМОВ

Очерк Глоба-Михайленки

Американская полярная экспедиция, возглавляемая профессором Гобсом из Мичиганского университета, уже в течение ряда лет работающая в Арктике и Антарктике, установила две самые холодные точки на земле: в центре Антарктического материка и в центре Гренландии.

Последняя точка, находящаяся в 1300 милях от Северного полюса, является настоящей «колыбелью штормов», отправным пунктом всех ледяных ветров, отбрасываемых отсюда во всех направлениях. Даже в июне над этим ледяным плато царит мороз в 30° Цельсия, а зимой морозы побивают все рекорды. Репутация полюса, как земного «погреба», значительно преувеличена, ибо упомянутая экспедиция установила также, что зимою в некоторых местах Сибири и Северной Америки много холоднее, нежели на Северном полюсе, и бывают случаи,

когда ветры, дующие с полюса в эти местности, значительно смягчают температуру их для данного периода времени...

* * *

Гренландия — страна парадоксальная: начиная от ее имени, означающего «Зеленая страна», в то время как вся она за исключением узкой береговой полосы на восточном и западном побережьях, шириной от 15 до 100 км, представляет собою сплошное плато вечных льдов, — и кончая ее географическим обозначением «остров» (хотя материк Австралия значительно меньше ее по размерам).

Берега Гренландии изрезаны фиордами, в которые весной сползают гигантские ледники и, уносимые течениями в Атлантику, образуют там «грозу моряков» — исполинские ледяные горы — айсберги.

Неудивительно, что Гренландия оставалась неоткрытой до IX века нашей эры, когда исландец Гюбнер добрался до близлежащих островов Даналя и отсюда различил береговую линию неизвестного острова. А немного лет спустя норманн Эрик Рыжий основал здесь большую колонию Эстрибгден, просуществовавшую около 400 лет. Но налеты английских пиратов и нападения эскимосов уничтожили ее, и теперь лишь недавно раскопками установлено ее местонахождение и восстановлен интересный быт той эпохи.

Начиная с XIII века, Гренландия была позабываема, и только три века спустя китоловы забрели сюда. Серьезное же изучение острова начато было лишь в конце прошлого века, и Нансен, первый в 1888 г. исследовал ледяное плато и доказал, что вся внутренняя часть острова покрыта толстой, никогда не отмерзающей ледяной корой и что на протяжении десятков тысяч квадратных миль отсутствует всякая растительность. В 1892 г. американец Пири прошел на лыжах по этой ледяной пустыне до северной части острова.

Теперь же окончательно установлено, что именно в центральной части этого ледяного плато находится «родина» штормов. Характерно, что на подступах к этой части острова непрерывно свирепствуют бури и ураганы, между тем как внутри этого «ураганного кольца» находится полоса почти полного затишья, но с чрезвычайно низкой температурой, не поднимающейся даже в полдень летних месяцев. Изучение атмосферических слоев показало, что притекающий с юга теплый воздух держится в верхних слоях атмосферы и, сталкиваясь с ледяным воздухом этой полосы, с силой отбрасывается

Карта Гренландии.

Собаки проваливались в ямы между сугробами...

обратно, причем несетса он порывами, уже внизу разнося бури и штормы во все четыре стороны...

Экспедиция Гоббса находится в этих мрачных областях бесценно уже в течение двух лет. Весной 1926 года она высалилась на юго-западном побережье с полным снаряжением для оборудования метеорологической станции. Однако продвижение всего этого багажа внутрь острова оказалось невыполнимым в виду невозможных условий «дороги». Посланная на разведку экспедиция не могла преодолеть трудностей пути: оледенелые сугробы расстилались на сотни километров, и временами собаки проваливались в ямы между ними, в то время как сани беспомощно качались на вершине ледяного сугроба. «Глядя на этот путь, — говорит Гоббс, — я понял, почему человеку понадобилось триста лет, чтобы добраться до полюса...»

Надо также упомянуть, что в число «багажа» входил и громоздкий строительный материал.

В итоге попытка основаться в центре плато окончилась неудачей, и пришлось остановиться на грани ледяного барьера. Из этой базы периодически отправляются два-три члена экспедиции в «командировку» на несколько недель в ледяную пустыню для непосредственного изучения природы штормов. Ясно, что при таких условиях изучение вопроса идет медленно и с большим трудом.

Но все-таки радио с этой крайней северной станции уже оповещает весь мир за три — пять дней о наступлении штормовой погоды. Так, 21 января текущего года, за пять дней до того, как сильный шторм разразился в Атлантике, станция Гоббса сообщила, что начинается значительный шторм при скорости ветра до 120 миль в час. Во время этой

бури радиомачты станции были повалены, и лишь с большим трудом удалось вновь установить их...

Невольно возникает вопрос, как же живут люди в этой мрачной стране? На всем побережье острова вы не найдете ни одного дерева. По скалам лежат ползучие кустарники ростом в несколько дюймов, мхи и лишайники, и кое-где попадаются чахлые карликовые березы. На два с лишним миллиона км всей территории острова для поселений человека годно лишь около 88 000 км. Население — эскимосы — едва достигает 12 000 человек, а оселые европейцы — наоборот. Столица южного побережья — Годгааб — насчитывает всего 400 человек населения и на европейский взгляд является небольшой деревушкой.

От центрального ледяного плато, дающего ясное представление о том, какой была Европа в ледниковый период, ледяные отроги выступают здесь и там, доходя до волн полярного моря. На западном побережье подобный отрог у Мельвилевского залива делит низину побережья на две части, резко отличные друг от друга и по природе и по составу населения: к северу от ледяного барьера живут кочевые племена эскимосов, к югу разбросаны датские поселки эскимосов-колонистов.

В то время как центральное плато являет собой круглый год безотрадную ледяную пустыню, южная часть побережья в короткие весенние месяцы представляет сплошной цветущий ковер, где можно найти до 400 видов различных растений, а летом обилие ягод приводит в восторг европейцев; эскимосы же относятся к ягодам совершенно равнодушно и из вегетарианской пищи признают только стебли дикого чеснока, из которого изготовляют особый род крепкого алкогольного напитка. К зиме весь кустарник подрезывается и идет на топливо, равно как и торф, которым

утепляют, кроме того, крыши и стены хижин.

Трудно пришлось бы человеку с пропитанием в этих полярных широтах, не будь в морях и на льдинах крупных млекопитающих: моржи дают эскимосам мясо и кости для выделки примитивных орудий, тюлени и медведи — мясо и одежду, нарвалы, или морские единороги, — мясо и жилы, заменяющие при шитье одежды нитки. Мясо кита в таком почете, что даже полужившиеся трупы китов, прибываемые к берегу, поедаются с жадностью, конечно, с трагическими результатами для эскимосов. Изобилие рыбы в прибрежных водах поражает каждого новичка как количеством, так и разнообразием видов. Даже собаки здесь становятся рыболюбам, ибо при отливе все отмели покрыты зазевавшимися рыбами. Акул ловят для пищи собакам, а в далеких поселках зимою, когда сено на исходе, сушеным акульным мясом кормят и местных коров.

Акулы и мясо режут на тонкие пластинки и сушат на солнце и ветру; летом все гренландские хижинки увешаны снаружи сплошной бахромой этих пластинок.

Птицами — главным образом водными — также изобилует побережье. Эскимосы не брезгут никаким мясом и философы утверждают: «Все, что имеет перья, есть птица, а птица — вещь съедобная». Поэтому на столе у них вы найдете вареных и жареных чаек, ястребов и даже ворон.

Охота на птицу очень любопытна. Ружья у туземцев старые и плохие, поэтому навешивают на каек (лодку) кусок белого холста, и охотник прячется за ним. Птица, думая, что подплывает кусок льдины, подпускает стрелка близко к себе и платится за доверчивость жизнью. Самой ценной же дичью являются

Во время бури радиомачты были повалены...

ся гаги — не только благодаря своему мясу, но и выгоды перьев и пуха.

Однако по другую сторону Мельвилевского залива, за ледяным барье-

Женщины ловят ястребов сачками на длинном шесте...

ром айсбергов, природа совсем иная: вместо яркой зелени расстилаются золотисто-оранжевые и багровые пятна лишайников, ползущих по скалам и спускающихся к синим водам фиордов.

Около сотни разновидностей соудистых растений были найдены здесь экспедициями.

Северные ветры бушуют тут без всякой преграды, и даже летом нельзя найти растений, стебли которых поднимались бы выше чем на фут. В связи с этим много топлива, кроме китового жира, северная часть побережья острова не знает. Но если растительность на суше скудна и убога, зато в полярных водах растут гигантские водоросли, длинная лезвиеобразная листва которых идет в пищу эскимосам. Среди водорослей самая любопытная — это арктическая солянка, растущая кустами в глубоких водах. Она присасывается к камням дна липкими дисками, и ее широкие ленты, имеющие свыше 20 футов в длину, в часы прилива и отлива полощутся между ледяными глыбами и горами.

Местные эскимосы не имеют постоянных домов, а кочуют с «тупиками» из тюленьих шкур в летнее время, зимой же строят ледяные дома — «иглу», покрывая глыбами льда глубокие ямы в земле. Но при всем разнообразии животного мира в Гренландии нельзя найти ни змеи, ни мышей, ни крыс, ни даже лягушек...

Гренландские ястребы, размером не больше скворца, живут огромными колониями, и охота на них —

привилегия женщин; ловят их сачками на длинном шесте, искусно закидывая их из расщелины скалы в воздух. Иногда в один прием в сачок попадает пять-шесть птиц. Ястребы кладут яйца на скалах, и за ними охотятся не только люди, но и голубые лисицы, при чем эти последние, умудренные зимним голодом, делают запасы яиц на зиму.

Охота на белых медведей — одно из самых важных занятий эскимосов, — только медвежья шкура дает достаточно теплую одежду и постель на долгую зиму. Но здешний медведь нелегко дается охотнику. Как ни ловко управляют эскимосы со своими каюками, доходя в волярной «джигитовке» до виртуозности, но за медведем подчас не угнаться и им.

Трудна и однообразна жизнь на далеком «Зеленом острове», затерянном среди льдов Полярного моря и ожидающем еще своих исследователей и описателей...

ЗВЕРИНЫЕ НЯНЬКИ

Очерк Н. Шебуева

Пять лет назад при Московском зоопарке образовался Кружок юных натуралистов из 30 учеников 5-й опытной школы. Назывался он для краткости КЮН. Через год кружок изменил свой состав, втянув в себя любителей естествознания и из других училищ. Изменилось и его название — Кружок юных биологов зоопарка. Короче — КЮБЗ.

Из маленького любительского зернышка за пять лет выросло прекрасное крепкое дерево.

Они юны, эти 75 биологов. Старшим из них — по восемнадцати лет. Но их труды уже цитируются серьезными нашими и зарубежными специалистами. Их труды печатаются. Душой этого кружка, как и зоопарка вообще, является неутомимый зоофанатик, помощник директора П. А. Мангейфель. В кружке он ведет две главных секции — орнитологическую и маммологическую. Своей любовью к птицам и животным он заразил своих учеников.

Два юных биолога, Гуляев и Фаетарик, положительно прославились безукоризненно проверенной работой по изучению и описанию события крупнейшей биологической важности — появления выводка эму (страусы). Они открыли следующее любопытное явление: на яйцах сидит, тщательно высидывая страусят, самец. При этом он все время (48—55 дней) переворачивает их клювом. От грения друг о друга шероховатая скорлупа яиц делается тоньше

и хрупче. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить их скорлупу со скорлупой яиц из инкубатора (прибор для искусственного вывода цыплят). Таким образом самец облегчает птенцу возможность раздробить скорлупу. Оказывается, в течение 55 дней, высидывая птенцов, страус не ест и не пьет и теряет в весе 6 кило. Мало того, — самец, а не самка, ухаживает за выводком, обучая их есть. При этом самец, простившись 55 дней, в течение еще целой недели воздерживается от пищи, чтобы не захворать. Из шести птенцов три сохранились в теплом помещении, а три закалились на морозе. Жизнеспособными оказались только последние.

Труд этих юных биологов напечатан в отчете лаборатории зоопарка за 1927 г. Второй труд, начатый на немецком языке, — «Исследование желудка птиц» — принадлежит восемнадцатилетнему естествоиспытателю Стаханову. Он произвел несколько сот анализов непрерывной пищи в желудках убитых птиц. На основании содержания желудков он решает две задачи: чем кормить в зоопарке ту или другую породу, и вредна, полезна или безразлична для сельского хозяйства эта порода. В результате — много переоценки ценностей. Выдан патент на безвредность птенцам, которых преследовали как вредителей. И наоборот...

Третий серьезный труд — юноши Гуляева, «Паразиты птиц». У каждой породы, ока-

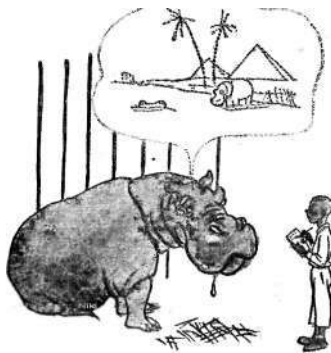
зывается, имеется свой, только этой породке свойственный вредитель. Есть интересные открытия на этом поприще.

По заданию Дмитровского музея краеведения, юные биологи сделали обследование и описание реки Яхромы и болотцев на ней. При этом добыли двух подорликов и чайку для зоопарка.

КЮБЗ является патроном озера Киево, на станции Лобня, Савеловской ж. д., с его замечательной колонией чаек. Юным биологам удалось добиться объявления этого озера заповедником на 5 лет. Уже сейчас в нем чаек до 10 000. Юные биологи изучают двоякую полезную деятельность этих птиц: во-первых, они — санитары, очищающие озеро от отбросов и засорения, во-вторых, они — истребители вредных личинок, вскрываемых при пахании земли.

Молодая жизнерадостная деятельность молодежи пронизывает весь Московский зоопарк. Они создали инсектарий — павильон для насекомых. До сих пор в парке были лишь аквариум и террариум. Создали показательное болотце, собственными руками засадив его болотными растениями и заселив болотной живностью. В помещении КЮБЗ'а устраивают зоо-музей из чудес, скелетов и черепов умерших животных парка. Работают по систематике, а с 1927 года и по анатомии во всех вольерах и отделах парка.

Юные биологи ведут дневник по изучению бытовых признаков, которые особенно устойчивы в мире животных, птиц и насекомых. Те прекрасные истории, которые ниже рассказаны, записаны по слову

На карточке отмечается: „Тогда-то—затосковал...“

одного из биологов, Юрия Салмина, любезно взявшегося показать мне парк в понедельник, когда обычный наплыв публики не мешает. Салмин сам наблюдал все это. Он, как и его товарищи, о каждом экземпляре зоопарка знает все подноготную.

Юные биологи вследствие этого уже сейчас могут быть прекрасными экскурсоводами. Но они все еще продолжают и теоретически и практически изучать экскурсоведение.

Они всегда готовы приносить хозяйственную помощь зоопарку. Они органически входят в административный аппарат парка.

Юные биологи ежедневно три раза делают дежурный обход парка для записывания происшествий. Нам показывали хранящийся в помещении КЮБЗ карточный каталог, где для каждого животного парка отведена персональная карточка. На ней отмечается все примечательное в поведении животного: тогда-то затосковал, тогда-то повысилась температура, тогда-то распознали такие-то признаки болезни, так-то протекала болезнь, тогда-то произошло спаривание таких-то птиц, тогда-то самка снесла первое яйцо, тогда-то самец сел на яйца, так-то протекала история выводки птенцов; тогда-то такие-то животные выказали неприязнь друг к другу; тогда-то произошел первый скандал, тогда-то первая драка; так-то протекала история о том, как поссорились два лебедя, пока их не рассадил...

Юные биологи читают свободно не только великую книгу природы, которая их делает мудрее, чище и деловите, но и всю литературу о природе на русском языке в беседе с ними Салмин несколько раз сыскался на ученые авторитеты! А главное, они любят свой зоопарк, любят своего помощника директора и с приветливым лицом и радостной охотой делают свое интересное и полезное дело.

КЮБЗ помещается в здании администрации зоопарка, в первом этаже. Большая комната, почти зал, усеяна по стенкам чучелами птиц и животных. В шкафах—скелеты, черепа и учебные препараты Столы. На одном из них—карточка.

— Могу я видеть, кто-нибудь из юных натуралистов по делу?

От карточки оторвался милый приветливый юноша:

— К вашим услугам. Я—дежурный. Услышав, что желают ознакомиться с деятельностью юбиляров, он встал и приветливо сказал:

— Идемте в зоопарк. Там вся наша деятельность и все наши достижения. Сегодня у нас выходной день—понедельник. Все разбрелись. Кто в лесу, кто в поле, кто в парке.

Мы пошли. Он рассказал то, что мы уже успели пересказать читателям о КЮБЗ'е, и продолжал знакомить с новостями.

— Вот это аксис—индийский пятнистый олень. Это—самец. Самка забеременела, и ее пришлось отделить. Иначе он ее тревожит...

Раздался выстрел.

— Это товарищ, вероятно, кошку или ворону убил. Эти хищники проникают к нам в парк и похищают мелких птичек...

— Вот—выводок зайчат. В литературе истонные сведения о зайцах. Во-первых, по нашим наблюдениям, обе наши зайчишки вынашивали не 30 дней, как сказано в учебниках, а 52. Во-вторых, зайчата родились не голыми, а покрытыми шерсткой и зрячими. В-третьих, зайчата, оказывается, совсем не нуждаются в кормлении молоком при рождении: у них в желудке густок молока, которого зайчонку хватает на 5 дней. А за 5 дней у них вырастают зубки, и они переходят на траву. Зайчики же, напротив, нуждаются, чтобы кто-нибудь облегчил их от молока, ловят зайчонка, хотя бы и чужого, какой первый попадется, и почти насильно кормят. Молоко зайчики необыкновенно густое, гуще самых густых сливок: 46% жира!

— Самка гигантского кенгуру... Вы видите, на груди у нее сумка... Чрезвычайно оригинально вынашивает она кенгуру. Через месяц после спаривания она рождает недоразвитого кенгуренка величиной с черного таракана. Бережно раскрывает передними лапами свою сумку и кладет этого таракана в нее, прижимая к одному из четырех прикрытых сумкой сосков. Семь месяцев кенгуренок висит на соске. Его губы срастаются с соском. Сосать он не умеет. Мать выдвигиванием вырывает из молочных желез ему молоко в рот. Время от времени мать слегка отодвигает детеныша и вылизывает сумку, очищая ее. Детеныш и после того, как

выпрыгнет из сумки, в течение двух месяцев в случае испуга, спасаясь, выпрыгивает опять туда...

— Вот наш знаменитый зубр «Пясть». Он не чистокровный. На три четверти зубр, на одну четверть—украинская корова. Чистокровных зубров сейчас на всем земном шаре 69. На воле нет. Ни в Беловежском лесу, ни в Кавказском заповеднике. Еще в прошлом году думали, что на Кавказе зубр ушел. Но недавно я был на докладе и...

— Вот сидит лебедка на шести яйцах. В течение 35 дней она то-и-дело ворочает под собой яйца, стараясь, чтобы они скорлупой терлись друг о друга. Этим она, как и страус, помогает птенцу вылупиться... Две такие отлаженные птицы долужались до одного и того же приема, как утонуть скорлупку!.. Все 35 дней лебедь-самец держится на-чеку. Вот сейчас подойдет, заметив нас, к решетке и станет угрожающе черпать клювом песок. Это его боевая поза. Он защищает будущих птенцов.

— Вот горлица. Посмотрите, как небрежно вьет она гнездо. Бывают случаи, что яйца поворачиваются в щели между плохо прилаженными и скрепленными веточками...

— Слышите, как хорошо запахло?! Это—черная смородина. Гуси ее не выносят... Если вы хотите держать в хорошем состоянии кусты черной смородины, заведите гусей. Гуси будут выпалывать, выщипывать вокруг всю траву, все растения, обчищать всех насекомых, а самой черной смородины не тронут...

— Вот нутри я... Из порою гигантских крыс... Шкурка ее ценится... Очень плодотвора. В Ленинграде несколько нутрий ушли из зоосада и расселились вокруг... Вскоре в сад стали поступать в большом количестве убитые нутрии—Обыватели приносили, чтобы показать, диковинную крысицу директору сада, не подозревая, что она оттуда «родом»... Больше кошки!.. Восемь фунтов!..

— Сибирский козорог... Полубойтесь, как теперь ему просторно. Когда было тесно, он не размножался. А теперь охотно спаривается. Надо будет под коркой полыни насадить. Очень они полынь любят, от паразитов они спасаются. Киргизы тоже временами скот гонят на полынь. Прекрасная лезгинка!..

— Египетский гусь... Очень злой. Можно приручить, но не вполне; все равно, придется держать от всех гусей отдельно. Скандалист! Заира!

— На него шпора,—в драке его может сильно ранить противника... Гнезда вьет на деревьях...

— Смотрите, как развалились на солнце морские львы. Они ждут; скоро для них будет готов громадный бассейн...

— Вот этот кондор—старожил... По бумагам, он живет у нас уже 32 года. А на самом деле, чуть ли не шестьдесят—с самого основания сада... Так свыкся с обстановкой, что его выпускают на волю. Он обыкновенно слетает в гости к ламе, посидит на «американской поляне»... А как в восемь часов услышит первый звонок, спешит опять к себе в клетку...

— Вот сипы белоголовые. Они тоже по тридцать лет живут у нас в парке. Каждый год приносит яйцо, и каждый год оно замерзает. Морозы для них сильные. У старого кондора тоже была самка Умерла. Он до сих пор тоскует по ней. Весной выгнет голую шею свою, дугой расставит крылья и поворачивается из стороны в сторону, показывает себя несуществующей подруге... Тоскует—то

Раздался выстрел...

«...Тогда-то — повмыслилась температура...»

кует... А шея у него голая, как и у грифа, как и у сила, потому что он питается падалью, копаётся в разлагающихся внутренностях,— к перьям на шею эта зараза пристаёт бы. Вот природа и оставила шею голой из гигиенических соображений. А у грифа из гигиенических же соображений покрыла шею словно белым шарфом из пыльных перьев. В него, когда морозно, гриф прячет голую шею...

— Смотрите, какие умные глаза у Бобки... Этот волк совсем ручной. Но он умеет любить и умеет ненавидеть. Иногда он с первого раза полюбит человека, а иногда — сразу возненавидит. Однажды т. Мантейфель предложил мне произвести такой опыт: я буду его при Бобке бить в спину, а он закричит, будто бы от боли. Увидел, что я обижая его любимца, Бобка зарычал на меня, замателась по клетке... и с тех пор меня ненавидит. Вот видите, оскалил зубы, увидав меня... Добро он тоже долго помнит...

... А вот помесь волка с собакой... Все они лают, тогда как волки воют... С виду некоторые похожи на волков, некоторые — на собак. Они ласковы, как собаки, и осторожны, как волки... Впрочем, у нас волки некоторые ласковы, как собаки. Есть пословица: «Как волка ни корми, он в лес смотрит»... А у нас наоборот. Мы выпускаем иногда волков в парк. Они побегают, побегают и сами возвращаются в клетку...

— Вот красавицы енотовые собаки. У нас самка принесла пять кутят (щенят). А ухаживает за ними сам самец. Не доверяет матери. Учат есть жевку, как в деревнях старые бабы. Разуют пищу, выплюнет и щеночка насильно тычет, пока тот не съест. Так же, впрочем, делает и волк.

— Вот эта сова, как только посадили ее в неволю, объявила голодовку. И три года ее кормят искусственно, насильно. Она уже и разучилась по-настоящему есть.

— За день до смерти Ленина медведица Яга принесла двух медвежат. Вы помните, какие тогда были морозы. Яга села вот так на пол, прилонилась спиной к стене, прижала к сосцам медвежат,— а сосцы у медведиц высоко — под передними лапами,— обляпила передними лапами детенышей, согнула влоде, чтобы мороз не проникал к ним. И так без движения провела три недели, пока морозы не спали...

— Вот эта маленькая птичка — с о й к а — замечательна тем, что пересаживает за

несколько километров могучие деревья — кедрки... Большинство кедровых лесов своим разрастанием обязаны ей и ореховке. Эти птички славятся подвижностью. Набирают полную глотку орехов так, что шен у них раздуваются, потом летят далеко-далеко и закапывают орехи в землю, под пенёк, под мох — впрок. Но очень часто забывают, куда запрятали. Орехи прорастают, и появляется кедр в таком месте, где никто его не ожидал. Кроме лесоводства, эти птички занимаются и охраной лесов от вредителей. Они поживают даже вонючих лесных клопов.

Много трогательных и поучительных историй рассказал нам Юра Салмин, пока мы бродили с ним от клетки к клетке, от вольеры к вольере.

В зоопарке познакомился с художником В. Д. Соколовым, который работал раньше на Украине в «Аскании-Нова» 1). Тоже писал и рисовал животных. Он очень доволен тисловостью, прилежанием и любовью, какие обнаружил в своих учениках — юных биологах.

— С рисунком и акварелью они познакомились еще зимой. Сегодня начнем с масляной живописи. Ну, кого бы вы хотели писать?

Одни назвали казуара, другие — нашего родного журавля-красавку. Большинство за к р а с а в к у. Составляем самейки перед журавлиным загонем, и работа началась.

Ишныиные серые птицы со свисающими на подобие хвоста концами крыльев, с черной чертой на длинной шее, изогнутой, как французская буква S, грациозно вышагивали по серозеленой полянке. Другие застыли, стоя на одной ноге. Третьи охорашивались, перебирая клювом перышки на спине. Четвертые спали. Все предвещало хорошую натуру. Картина полна идиллического спокойствия. Как вдруг все встрепенулись, забегали...

На соседнем прудике — скандал. Крики. Драка. Кажется, лебеди подрались. Конечно, шипун 2), известный неуживчивым нравом и особенно злой во время гнездового периода, напал на сравнительно мирного кликуна.

Один из шести юношей, отложив мольбертик, бросился разнимать скандалистов. Это ему удалось. Но среди красавок возбуждение долго не могло улететь.

Юноши так хорошо знают наружность каждого обитателя зоопарка, что и уверен, смогли бы и на память набросать контур любого зверя, любой птицы. И тут они писали почти по памяти.

Сеанс живописи окончен. У всех получилось сходство с натурой полное. Для первого раза — нечего и желать лучшего.

Мы еще побродили по зоопарку. Подошли к клетке рыси.

1) Государственный заповедник на Украине. См. очерк «В советской Африке» (№ 12 «След.» за 1927 г.)

2) Лебедь-шипун водится южнее лебедя-кликлуна, который достигнет лебедя-кликлуна и даже переходит через него.

Эта сибирская кровожадная коварная кошка имеет свою трогательную романтическую историю, которую нам рассказал на прошлые Юра.

У этой самки был самец. Родился несколько рысят, грациозных, веселых, озорных. Отец не чаял души в них. Бойкими, неожиданно коварными прыжками ловил воробьев, залетавших в клетку, и угощал ими рысят.

Однажды, охотясь за воробьями, самец прыгнул особенно высоко и неудачно: попал лапой между прутьев решетки. В соседней клетке сидел волк. Лапа очутилась в его пасти... острые зубы раздробили ее мгновенно... Несчастному сделали перевязку. Он сорвал ее зубами. Пробовали еще забинтовать. Зверь опять сорвал повязку. Заражение крови. И — самца не стало. Самка, увидев, что она осталась одна, что-то, кроме нее, будет защищать детей, затосковала. Стала искать, куда бы спрятать рысят как можно надежнее. Таскала из угла в угол. Не знала покоя. Не давала покоя им. Наконец ночью вырыла в земле яму, закопала туда рысят живьем и успокоилась...

По словам б. директора зоопарка, профессора М. Заваловского, и лисица, родив в неволе, часто не знает, как бы лучше спрятать лисенят. Она таскает их поочередно до тех пор, пока до смерти не замучает всего выводка. А случается и так, что выкапывала яму и живьем зарывала в ней свое потомство!

Материнская любовь заставляет рысь и лисицу делаться летушниками...

Покимаем зоопарк. Прощаемся с юными натуралистами и благодарим их за те бодрые и содержательные часы, которые провели в их обществе. Эти часы омолодили нас. И кажется, жизнь вокруг стала содержательнее. И зоопарк кажется созданным именно для них, для юных натуралистов, юных биологов, будущих Дарвинов, Брэмов, Фабров.

«...Тогда-то — произошел первый скандал...»

Нужно только, чтобы все юноши во всем СССР знали, что в Москве есть такой кружок, который охотно примет их в свои объятия, если только они искренно и бескорыстно любят природу.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ

(К рисунку на обложке)

В 1870 году вспыхнула франко-прусская война. Немцы быстро добились решительного перевеса и, тесня разбитые армии Наполеона III, подошли к стенам Парижа. Город был осажден.

Французское правительство бежало в Тур 1). Необходимо было срочно послать

1) Тур — главный город французского департамента Индры и Луары.

ему из Парижа секретное донесение. Исполнить это поручение вызвались два смельчака — Ролиер и Дешамп. Средством передвижения избрали воздушный шар «Орлеан».

Вылетели темной ноябрьской ночью при благоприятном северо-восточном ветре, и воздушный шар легко взял нужное направление, на юго-запад. Когда же летчики вырвались балласт и сразу поднялись на высоту в 2700 метров, они совершенно неожиданно попали в полосу обратного воздушного течения.

Внизу образовался густой туман, ветер усилился. Один раз снизу долетел отдаленный гул, сначала слабый, потом усиливающийся и, наконец, замирающий вали. Возможно, шар пролетал над полотно железной дороги... Непроглядная тьма и густой туман не позволяли ориентироваться, а шар все несло в неизвестном направлении...

Наконец в 6 часов утра, в предрассветных сумерках, летчики увидели бесконечную, безжизненную равнину: ни деревьев, ни травы — серо-черная поверхность уходила валь и сливалась с горизонтом. Когда сумерки рассеялись, летчики пришли в ужас от страшного откровения: безжизненная равнина оживала, забурлила — то был безбрежный океан. Кругом, насколько хватал глаз, было бесконечное водное пространство.

Что делать? Где находится воздушный шар? Не имея никаких приборов для определения местонахождения, без запаса провианта, в легкой одежде, летчики чувствовали себя на краю гибели. На клочке бумаги они написали: «7 часов утра... в открытом море... нигде не видно берега... поймаем!»

Один из почтовых голубей, которые находились на воздушном шаре, должен был отнести эту печальную весть в Париж. Но густой туман, который опять начал окутывать все пространство, делал этот план несуществующим.

11 часов утра. Воздух прозрачен... Далеко внизу белеют паруса кораблей. Мимо прохлдит они и исчезают вдали. Все призывы о помощи напрасны: звуки не долетают до них. Корабли или совсем не замечали шар, или же, если замечали, все равно были бессильны помочь. Один корабль, повидимому немецкий, дал даже несколько залпов в воздух... В отчаянии летчики думали бы сплутить из гондолы канат, чтобы в случае, если он попадет на палубу какого-либо проходящего мимо парохода, можно было укрепить его и спасти шар...

Вскоре после полудня на востоке показались французский военный корабль. Воздушный шар был замечен. Ролиер попытался веревку клатана... Дешамп взобрался на край корзины и, громко призывая на помощь, замахал руками... Шар опустился почти до поверхности воды... Но все напрасно: за 3 минуты, которые потребовались для спуска, страшный порыв ветра отнес шар на восемь километров от корабля...

Опыт летчики принуждены были подняться в ледяную высь, на высоту в 3700 метров. Туман густой массой охватил воздушный шар. Гондола, волосы людей, веки и ресницы — все покрылось ледяными сосульками, и страшный холод пронизывал летчиков. Дешамп прикрыв куртку клетку с замерзающими голубями.

С громадными усилиями удалось опять открыть клатан. Ослабевшие силы летчиков уходила и надежда на спасение. Считая смерть неизбежной, они решили взорвать шар, но не смогли зажечь огонь.

В это время шар стал снижаться с головокружительной быстротой.

Варуг летчики заметили верхушку пихты, которая, пробившись сквозь туман, резко выделалась в серой мгле.

— Земля! Земля!..

Вслед за этим гондола врезалась в снег. Одним прыжком Ролиер высочил на землю. Дешамп запутался в якорном канате. Облегченный шар начал подниматься высь. Ролиер, не долго думая, схватился за канат и на секунду удержал шар. Этим моментом воспользовался Дешамп и прыгнул с высоты 20 метров в глубокий снег.

— Спасены! Спасены!

Облегченный воздушный шар исчез в высоте, унося с собой почтовых голубей...

* * *

Пятнадцать часов Ролиер и Дешамп отчаянно боролись за свою жизнь в воздухе. Двадцать один час буждали по колену в снегу, без пищи, без верхней одежды по занесенным снегом горам, пока, наконец, не набрали на санный путь, который вел на юг. Ночь они провели в полупразурнушенной хижине.

Наутро, после нового четырехчасового буждения, они набрали на крытый соломою домик. В печке были приготовлены дрова, а на столе стояли молоко, кофе и теплый еще картофель. Хозяев не было. Путешественники быстро развели огонь и принялись за еду.

Полчас спустя вернулись обитатели хижины — два дровосека, в меховых шубах. Каково же было их изумление, когда они застали у себя двух незнакомцев, приветливо протягивавших им руки...

К сожалению, они совершенно, не понимали друг друга. Наконец, Ролиер догадался нарисовать на бумаге воздушный шар, под которым подписал: «Париж», и повторил несколько раз: «Париж, Париж, Париж».

— Воздушный шар! Париж! — воскликнули дровосеки и принялись сушить мокрую одежду французам.

Но как узнать, где они находятся? Ролиер и Дешамп напрасно ломали голову. Варуг один из хозяев вытаскил из кармана коробку спичек. Ролиер прочитал на ней: «Христиания». Итак, они были не в России, не в Сибири, а в Норвегии. Летчики дали понять дровосекам, что хотят добраться до Христиании.

Путь был далекий и трудный. До Христиании было 420 километров. Гостеприимные норвежцы снабдили путешественников всем необходимым. От Драмена, где летчики могли сесть на поезд, путь их превратился в триумфальное шествие. Телеграф разнес по всей стране диковинную весть: два французца упали из заоблачной выси на норвежскую землю...

28 ноября путешественники прибыли в столицу Норвегии, а через две недели после вылета из Парижа Ролиер и Дешамп добрались, наконец, через Лондон до Тура. Они привезли с собой секретную почту и шесть драгоценных почтовых голубей, которые находились с ними на воздушном шаре; их шар также был найден недалеко от Драмена. В течение 15 часов он покрыв расстояние около 1300 километров...

Драмен — портовый город на южном побережье Норвегии.

КТО БОЛЬШЕ ЗНАЕТ???

ОТВЕТЫ ШЕСТОЙ (ЧИТАТЕЛЬСКОЙ) СЕРИИ

1. Лирохост.
2. В Ките.
3. Панама.
4. Япония занимает свыше 500 островов.
5. Четыре: Новгород (Великий) на реке Волхов, Нижний-Новгород на реке Волге, Новгород-Северский в б. Черниговской губ., Новгород-Волынский в б. Волынской губ.
6. Рыба-молот.
7. В Китае.
8. Америка.
9. Элизе Реклю (Франция).
10. Кивн.
11. Река Москва.
12. Эгейское море, по имени царя Эгея.
13. Лаг.
14. Река Голубая протекает по Китаю, Оранжевая — по Африке.
15. Берингово, Охотское, Японское, Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское.
16. У клеща нет глаз.
17. Подорожник. До прихода европейцев в Америке подорожник не рос. Проходя в глубь страны, европейцы оставляли позади себя семена подорожника, отчего и назван он «следами Белью».
18. Острова Гаити находится в Мексиканском заливе (Америка), Гаити — в Тихом океане между Америкой и Австралией.
19. Наковальни своего уха.
20. Мыса Горн (в Южной Америке).
21. Обь.
22. Название республики Эквадор (Южная Америка), расположенной на Экваторе.
23. Нос и губа.
24. Около Сталина (Донбасс) — поселок Нью-Йорк.
25. В кокосовых орехах.
26. Поденка живет с утра до вечера.
27. Ящерица, третий глаз у которой на темени.
28. Так называют Новую Землю, потому что она мешает плувчим льдам доходить до берегов Европы.
29. Трос — проволочный канат; трос — приднотная глыба льда, образующаяся при столкновении льды.
30. Одно и то же.
31. В пятиищу.
32. Туманом.
33. Птица индейка.
34. Птица пеликан.
35. Владивосток.
36. Бамбук.
37. Переворачиваются на спину.
38. Два.
39. Утконос и ехидна (Австралия).
40. Республику Либерию в Верхней Гвине (Африка).
41. Малый Кавказский хребет.
42. В Австралии.

43. Остров Банка в Австралии.
44. Для перетирания пищи.
45. Хамелеон.
46. Боле 250 000.
47. Кит может глотать лишь мелкую рыбешку.

48. Албания. Солдаты носят коротенькие юбки.
49. В Ганг индусы бросают умерших, создавая тем самым хорошие условия питания для крокодилов.
50. Песен.

композитора и пианиста-виртуоза (1809—1849). Музыка Шопена сильна, образительна.

Гречия почитала память одного из величайших английских поэтов — Байрона (род. в 1788 г.), выпускком юбилейной серии марок (рис. 10) в память столетия со дня его смерти (1824 г.). Творец гениальной поэмы «Чайльд-Гарольд», подобно своему герою, много путешествовал. Он побывал в Испании, Албании, Греции, Турции и в Малой Азии. Когда в 1823 году в Греции вспыхнуло восстание против султанского гнета, Байрон купил английский бриг и, вооружив его, отплыл туда. Вскоре он скончался от простуды, полученной во время сильного дождя. Смерть Байрона вызвала многочисленные отклики со стороны поэтов: так, Гейне посвятил его памяти стихи «Последнее путешествие Чайльд-Гарольда», Пушкин назвал погибшего поэта «гением» и «властелином наших дум» (стихотворение «К морю»). Байрон оказал сильное влияние на немецкую, польскую и русскую поэзию.

Творец всемирно-известного «Дон-Кихота» — Михаэль Сааведра Сервантес (1547—1616), изображен в красочной серии испанских марок, посвященных 300-летию со дня смерти его (рис. 11). Сервантес принимал участие в ряде военных походов: в гуниской и алжирской экспедициях, при чем во время последней был захвачен турками в плен, где поэту пришлось пережить тяжелые годы, пока он не был выпущен.

Совсем недавно Норвегия выпустила марки в честь столетия со дня рождения (1828 г.) знаменитого драматурга Генриха Ибсена (рис. 12). Драмы и комедии Ибсена известны всему образованному миру.

Швейцария ознаменовала столетие со дня смерти знаменитого педагога Иоганна-Генриха Песталоцци (1746—1827) выпускком особых марок с его изображением (рис. 13). Оригинально, что в школе Песталоцци считался неспособным учеником и был предметом насмешек своих товарищей. Основные методические приемы обучения грамоте, счету и письму, изобретенные Песталоцци, стали в настоящее время достоянием педагогик.

А. Чичиков.

УГОЛОК ФИЛАТЕЛИСТА

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ НА МАРКАХ.

Второй очерк 1)

Существовавшее в Венгрии советское правительство (с 19 марта по 1 августа 1919 г.) выпустило серию марок с портретами революционеров, среди которых находим гениальных творцов «Коммунистического Манифеста» (написан в 1847 г., издан в 1848 г.) — Карла Маркса (рис. 1) и Фридриха Энгельса (рис. 3).

под именем его внешней, фактической биографии.

В австрийской «серии композиторов» находим портрет Иоганна Штрауса (рис. 6), знаменитого композитора танцев и дирижера (1825—1899). Шести лет от роду он сочинил вальс, непечатанный впоследствии под названием «Первая мысль». В 1849 году Штраус учился в рядах воставших, которых он, в качестве полкового капелмейстера, воодушевлял исполнением революционных песен.

Национальный поэт Украины — Тарас Григорьевич Шевченко — на рисунке 7.

«Батько Тарас» родился в 1814 году в семье крепостного крестьянина; великий поэт прошел суровую жизненную школу: одно время работал у местных мельников, пас овец. При помощи В. А. Жуковского и художника Брюллова Т. Г. Шевченко был выкуплен из своего «барина». Крупными произведениями Шевченко являются: «Гайдамаки», «Катерины»; популярнейшим — небольшой сборник стихотворений «Кобзарь». «Нехай буду мужикий поэт; абы только поэт; то мни бишь ничого и не треба», писал Шевченко. Скончался он в 1861 году.

На рисунке 8 — изображение Юлиа Словацкого

СССР обогатилась новой маркой с портретом Ильяча (рис. 2); первые марки в честь вождя мировой революции были указаны нами ранее в очерке «Октябрь в филателии»). Интересно заметить, что марки эти пользуются колоссальной популярностью среди трудящихся всех стран.

На рисунке 4 изображен венгерский национальный поэт, погибший во время восстания в 1849 году, Александр (Шандор) Петёфи (род. в 1823 г.) — автор популярнейшей песни «Вставай, мадьяр». Петёфи окончательно освободил венгерскую поэзию от подражания иностранным образцам и от чуждого ей влияния.

Гениальным творцу «Божественной Комедии» — Данте Алигieri (1265—1321), посвящена серия итальянских марок (рис. 5), выпущенная по случаю 600-летия со дня смерти величайшего поэта средневековья. Мы знаем Данте, главным образом, как поэта, так как новейшая критика разрушила почти все, что долгое время ходило

го, одного из самых крупных поэтов польского выходаства, средоточенного, главным образом, во Франции после неудачи польского восстания 1830—31 гг. Словацкий — наиболее яркий представитель польского романтизма в литературе (1809—1849).

Одна из польских марок вышла с изображением Шопена (рис. 9), знаменитого

ПУТЕШЕСТВИЕ БУТЫЛКИ

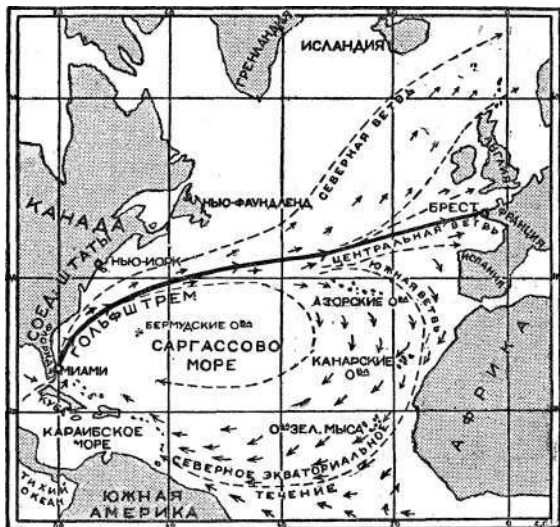
Еще лет полтораста назад знаменитый американский ученый Вениамин Франклин открыл, что в Атлантическом океане существует мощное течение, своего рода морская река, которая широким рукавом идет из Мексиканского залива вдоль берегов Северной Америки, а затем перекает весь океан и омывает берега северной-западной Европы.

Это течение Франклин назвал Гольфштремом, что значит: «заливное течение», так как оно выходит из Мексиканского залива.

Первоначально многие оспаривали существование Гольфштрема, но позднейшие исследования доказали, что действительно, вода в океане «течет», а не стоит на одном месте, как в озере. Однако течет она не всей массой, а широкой струей, как бы потоком. Этот поток приносит иногда к берегам Европы разные предметы, брошенные в море у американского берега.

Недавно на берегу Бретани (Франция), в местечке Порт-а-Винь, одним школьником была найдена на прибрежном песке

1) См. «Вокруг Света» № 9 за 1927 г.
2) См. Вокруг Света» № И за 1927 г.

Предполагаемый путь бутылки из Миами (Америка) в Европу показан жирной чертой.

закурпленная бутылка. В бутылке находилась какая-то бумажка. Несмотря на то, что бутылка была очень плотно закупорена и пробка залита сургучом, вода просочилась в бутылку.

Чтобы вынуть бумажку, пришлось разбить бутылку. Когда бумажку высушили, увидели, что эта была радиограмма Тропической радиотелеграфной станции. Радиограмма была написана по-английски и гласила следующее:

«4 марта 1926 года. СС Сан-Матео. Сообщите нам, где вы нашли эту радиотелеграмму. Сообщите также и подробности: как, когда и при каких обстоятельствах была найдена вами бутылка с радиограммой. Радиограмма в бутылке брошена на широте Миами, во Флориде.

В. М. К. Симон,
заведующий радиостанцией
СС Сан-Матео. Нью-Йорк. Нью-

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

МОРСКИЕ ВОДОРОСЛИ — ВСЕМА ЦЕННОЕ РАСТЕНИЕ

Морской научный институт (Москва) решил включить в программу своих экспедиционных работ изучение морских водорослей. В СССР водоросли имеются в Черном и Белом морях, а также у побережья Тихого океана, на Дальнем Востоке. В золе пережженных водорослей остаются значительные доли калия, железа, фосфора и серы, пригодных для удобрения почвы. В свежих водорослях заключаются белок, жир и углеводы, делающие водоросли кормовым средством для скота. В Европе и Северной Америке из водорослей выделяется мука и пектус галеты. Из водорослей добываются также лекарственные средства от ревматизма, сифилиса, желудочных заболеваний и глистов. Около трети мировой добычи иода производится из водорослей. Горячим прессованием из водорослей получается роговидная масса, из которой делаются пуповины и электрическая арматура.

Ю.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ПЕСКИ.

Залежи песка с содержанием магнитного железняка на побережье Черного моря были известны давно. Еще задолго до империалистической войны группа частных предпринимателей производила изыскания на побережье. Результаты этих изысканий дают основание предполагать, что на побережье Черного моря сосредоточены массы песков, содержащих железо.

Предпринимаемые в данное время разведки должны окончательно выяснить практическое значение этих залежей. Работы рассчитаны на 2—3 года, так как район залегания песков с содержанием магнитного железняка тянется по побережью Черного моря от Батума до Сухума.

3.

МНОГОМИЛЛИОННЫЕ ЗАПАСЫ СОЛЫ В СИБИРИ.

Сибирь имеет больше запасы основного сырья соли — месторождения каменной и глауберовой соли. Самым подходящим для организации содового производства является Доронинское озеро Читинского

Путешествие бутылки через океан на протяжении приблизительно 7000 км является доказательством существования в океане течения, своего рода океанической «реки», текущей в водных берегах.

Исследователям удалось установить, что Гольфштрем, зародившись около берегов Флориды и подвигавшись вдоль берегов Северной Америки до мыса Гаттераса, идет затем с запада на восток поперек океана и разделяется на две главных ветви — северную и южную. Южная ветвь Гольфштрема, обогнув Азорские и Канарские острова, поворачивает затем на запад и снова идет к своему началу, омывая огромное пространство «стоячей» воды в океане, известное под названием Саргассова моря. Эта часть океана покрыта водорослями, и сюда течение заносит обломки разбитых бурей кораблей и другие предметы. Северный же поток Гольфштрема доходит до берегов Западной Европы.

Вот в эту-то половину Гольфштрема и попала бутылка с радиограммой. На помещенной здесь карте указаны две главных ветви Гольфштрема, и жирными стрелками в центральной части этого течения отмечен предполагаемый путь бутылки через океан.

Бутылка была выброшена на берег Европы почти через два года после того, как она была брошена в море близ американского берега. Таким образом, бутылка плыла со скоростью 11—12 км в сутки.

Нужно сказать, что скорость течения самого Гольфштрема в некоторых частях океана превышает 40 км в сутки. По всей вероятности, бутылка во время своего путешествия уклонялась в стороны, быть может, подхватывалась водоворотами и долго задерживалась на одном месте. Но как бы то ни было, через шесть-семь дней она была перенесена Гольфштремом от Америки к берегам Европы.

Струи самого Гольфштрема совершают путь от Америки до Европы приблизительно в пять месяцев.

Н. Л.

округа, площадью около 4 км² и глубиной почти в 6 м.

Вода озера содержит 5% соды, что дает возможность предполагать запас соды, равный 225 000 тонн. Кроме соды, вода озера содержит поваренную и глауберовую соль.

Вода в Доронинском озере постоянно пополняется источниками, дающими насыщенную содой воду. Благодаря испарению раствор соды в озере постоянно стужается, и на дне его уже образовался слой вышедшей из воды кристаллической, так называемой «донной» соли.

Сейчас производится работа над изучением возможности эксплуатации Доронинского озера в широком промышленном масштабе.

С.Н.

НОВЫЙ СУДОВОЙ ДВИГАТЕЛЬ.

Техник Баранов (Хабаровск) изобрел новый судовой двигатель, при испытании давший ускорение хода на 30 процентов. Двигатель одобрен. Дальневосточному заводу предложено его изготовить.

Ю.

СЕКАРОВСКАЯ ЖИЛКОТКА

ВЫТЯЖКА
ПРОТРЕПКА
ОЧИЩЕНИЕ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ
СЕРЬЕЗНОЕ
ПОСОБИЕ
ПО
УСТРОЙСТВУ
И
ЭКСПЛУАТАЦИИ
ЭТОЙ
ТЕХНИКИ

ЛАБОРАТОРИЯ КОПИРОВАНИЯ
ГАЛЕН МОСКВА
И ПЕРСНА

**МУЗЫКАЛЬНЫЕ
ПРОИЗВОДИТЕЛИ
КОМПОНОВАТЬ
„НАРМУЗ“**

ВЕНСКИЕ 2- и 3-рядные и кромачки, гармоники, БАЯНЫ и полубаяны, гитары, мандолины, балалайки. Требуется префикс, длина 8-к. марки, влож. в 1934, Москва, Савло-Копеева, 4.

ВНИМАНИЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „Зиф“ доводит до сведения подписчиков, что высылка отдельных изданий (отдельные №№ и пр.) производится: при стоимости заказа до 1 рубля лишь по получении стоимости его, при стоимости заказа свыше 1 рубля может делаться наложенный платеж, для чего подписчику следует высылать задаток в размере не менее 25% стоимости заказа (можно почтовыми марками). Высылка наложенных изданий стоимостью до 1 рубля не производится.

ПОДПИСЧИКОВ

ЗВОНИТЕ
по телефону
3-82-20
и к вам явится уполномоченный Изд-ва „Зиф“ для приема подписки на любую журнал Изд-ва.

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКИЕ ПРОИЗВОДСТВА

Выгоды. производство дегтя. 25 к. 270 рецептов парфюмерии и косметики в 2 т. 1 р. Дешевое приготавливание огнеупорных красок. 75 к. Домашнее производство савара из спелых яиц. 50 к. Как сделать самому феерический башмак и модных размеров с 36 рс. 1 р. Как приготавливать крахмал и пасту. 10 к. Как приготавливать ситники и оливу. 60 к. Как производить пасту и дету. 20 к. Как производить ступку для белил и белил, известь из глины и угля. 60 к. Как производить сахар из картофеля и свекловича. 75 к. Как устроить фееричери и бенгальские огни. 60 к. Минеральные и растительные масла для инструментов. 75 к. Производство варки мыла домашним способом. 40 к. Производство: во горюго и лампадного масла. 50 к. Производство дрожжей сухих и минераль. домашним способом. 40 к. Производство класовой махи холодным способом. 60 к. Производство лаков и оцифы простым способом. 60 к. Производство серной и содовой кислоты. 50 к. Производство соды. 60 к. Рецепты варки колдов, оливок, полтурты и красок. 80 к. Производство разных свечей. 60 к. Устройствозавода для лобования эфирных масел. 50 к. Фальсификация вина и способы распознавания. 30 к. Техно-химические рецепты (около 2000 рецептов). Брошюренск. 3 р.

ЗАПАСЫ И ЗАГОТОВКИ

Домашние сушка плодов и овощей. 30 к. Домашнее приготавливание французских и английских вафлей. 35 к. Домашний способ приготавливания нахоров и вермишели. 50 к. Заготовка и хранение мяса, мясного хлеба. 40 к. Как заготавливать, запастись овощами, грибами и ягодами домашним способом. 1 р. Как приготавливать сухое варенье и чужаты по домашн. рецепту. 40 к. Как приготавливать по домашним рецептам консервы из фруктов и ягод. 30 к. Как приготавливать кобаску вареную и копченую. 30 к. Как приготавливать рыбу, солить, коптить. 1 р. Приготавливание из овощей чая, кофе, паштета, дрожжей, муки и конфет. 45 к. Производство колбасы, паштета и копченое мяса и инструменты для производства. 4 р. Французское колбасное производство. Подробные способы приготавливания. 1 р. 50 к.

РУКОДЕЛИЕ

Валяние, кройка, шитье, починка и метка белья. 45 к. Деление кий тача. Как научиться вязать на простом станке. 40 к. Вышивание по выте. С 20 рс. 30 к. Вышивание в табури и рукоделие на аппарате. 50 к. Как самой плести кружева. 30 к. Кройка и шитье дамского, мужского и детского белья. Теорор с 175 рс. 2 р. Академический курс кройки и шитья стаски, юбки, ляжас, и деуж. лавкам (под, курт). 3 р. Кройка и шитье одежды и белья, починка. 40 к. Альбом рисунков для вышивания. 50 к. Альбом шитья узоров крестом. 20 таблица и кройка 75 к.

Все эти книги высылает наложенным платежом или по получении денег
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН „ТЕХНИК“ (А. А. Климов)
Ленинград, Ново-Александровский рынок, 64/В

МУЗЫКА В РАССРОЧКУ

ГАРМОНИИ, ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГРАММОФОНЫ, ВЕЛИКИ. ФРИ. Мускиль, Таврельск. 7. 4 СП. ПЕТУХОВСКИЙ
Музыкальный деп-т Д. ДИСТЕЛЬ. Т. 4-43-87.
Прикуривать в руково высылается за две 16-кл. марки, вложенные в конверт.

ПОСЛЕ БРИТВА

Устраняет раздражение кожи, дезинфицирует и заживляет порезы, приятно освежает лицо

Для лица и рук заменяет крем, везем и омовление

Требуется в аптеках и магазинах санитарии и гигиены

ЦЕНА 37 КОП.

КОМПОНОВАТЬ ГАЛЕН МОСКВА МОСКВА
УЛ. ГЕРЦЕНА 5

3 тубы высылем по получении 1 р. 20 к.

АЛЛО! ВСЕМИ
АЛЛО! ВСЕМИ
АЛЛО! ВСЕМИ

Радиостанциям и радиоприемникам

ПОСЛЕДНЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ

РАДИО-БАТАРЕИ
(работают лучше пальчиков)
Батареи анодные 80 в. Руб. 18.—
• 45 в. • 10.—
• накали 4 1/2 в. • 10.—

— Р У П О Р Ы —
(Палье-манше)

Точная копия заграничных. Отзвоним „Радио-любитель“ №№ 11, 12 за 1927 г.

„Вестер“ Р. 7.—
„Малый Вестер“ 6,50
„Телефунион“ 7.
„Лиландун“ 2,50

Пересылка и упаковка за счет заказчика; при заказе 25% задатка. Заказы и деньги направляйте по адресу:
Москва, 66, Жеребьевский пер. дом 17-1В-8.

ЗАЩИТА

И НАПАДЕНИЕ. Ловкость и силу тренирует елиптич. руком, по БОЙБЕ, БОКСУ, ФЕХТОВАНИЮ, СТРЕЛКОВ. Фрэнк, берья. Стял. Тактика. Премьер. Англ. бокс. Блэжж. Офиц. на дистанции. Защита. Удары. Гриворич. Фрэнк. Фрэнк. Стял. Тактика. Офиц. правила стрелк. спорт. С 75 синика. Стр. 228. Картон. 100 к. 1 р. 35 к.

КУДОМСТВО. ПОРТРЕТ УВЕЛИЧЕН.

прекрасно, отделанный тушью может иметь, пригодно КАЖДОЙ любви фото-артисту.

Разм. с росписью пастурату „донно“

ЦЕНА: 31×40 см.—6 р., 31×56—7 р., 45×55—16 р., 55×70—16 р., 70×80—20 р. Картонки на 50% дороже. Искренни и ФОТОГРАФИИ ШИДЛА Зем. выкупа. быстро и аккуратно без задатка нал. плат. Карточка возвращаются Москва, 4-я перекресток-Явская, 34. Художеств. мастерская И. БОРОДИНА

СВЕТА
ИЩА

„КЛАДОНИТ“
АКО

ЛАБОРАТОРИЯ КОПИРОВАНИЯ
ГАЛЕН МОСКВА
И ПЕРСНА

УЧИТЕСЬ САМИ

Играет с помощью самоучительной по нотно-цифровой системе

НА ГАРМОНИКЕ
Самуц. Сергеева и Колубева для венск. дуэж. русск. или нем. струн 21 ка. 12 бас. с прилож. 20-ти тыщ. Ц. 1 р. 25 к. 2 альбом тыщ (по 10 №№) по 75 к.

НА БАЛАЛАЙКЕ
Самуц. Успенска. Ц. 1 р. 25 к. 4 сборника пелен. Лунавички от 60 к. до 80 к.

Навы А.—Самуц. (только по цифр. системе). Ц. 60 к.

Кравец М.—Сборник песен—отправен по опер (только по нотной системе). Ц. 40 к.

НА МАНДОЛИНЕ
Самуц. Петрова. 11. 1 р. и 18 альбомов от 50 к. до 75 к.

НА ГИТАРЕ
Самуц. Успенска. Ц. 1 р. 75 к. 6 альбомов от 10 к. до 75 к. Альбомы Дюбияна (только по цифровой сист.) от 1 р. до 2 р. СТРУНЫ и мелкая инструментальная принадлежность для всех инструментов, а также: БАЛАЛАЙКИ, МАНДОЛИНЫ И ГИТАРЫ. Заказы до 5 р. высылаются наложен. плат. без задатка; свыше 5 р. по получ. задатка. Пересылка за счет заказчика. Москва, центр, Неглинная, 14/31 МУЗЕОЦЕНТРУ ГОСЦИЗДАТА

НОВЫЙ АДРЕС

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛОВ
„ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“

И
„ВОКРУГ СВЕТА“:

Москва, центр, Пушкинская ул., Лубянский пассаж, пом. 63.

Адрес конторы
ПРЕЖНИЙ

Тариф объявлений: 1 страница 1100 р., строка копирала—2 рубля. Сверх тарифа—госналог 10%.

ГОСИЗДАТ К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Под ред. М. Н. ПОКРОВСКОГО
В 5 ТОМАХ

- Том I. ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ. Под редакцией М. Н. Покровского. (Печ.)
Том II. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ. Под редакцией В. И. Милотина и Г. Крумина. (Гот. к печ.)
Том III. ФИЛОСОФСКИЕ РАБОТЫ. (Гот. к печ.)
Том IV. ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ. Под ред. А. В. Луначарского. (Гот. к печ.)
Том V. ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ. Под ред. А. В. Луначарского. (Гот. к печ.)

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

- Том I. ИЗ АВТОБИОГРАФИИ. ДНЕВНИК 1848—1853 гг. Под ред. и с примеч. Н. А. Алексеева, М. Н. Чернышевского и С. И. Черного. Страниц 748. Ц. 5 р. 50 к.
Том II. ПИСЬМА К РОДНЫМ. (1848—1862 гг.). Письма к разным лицам периода литературной деятельности (до ареста). Письма по крепости. Заграничные письма из Сибири. 45 печатных листов. (Печ.)
Том III. ПИСЬМА ИЗ АСТРАХАНИ. (1888—1889 гг.) 50 печ. лист. (Гот. к печ.)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

(В 10 ТОМАХ, С 4 ПОРТРЕТАМИ).

- Том III, Стр. 780; Том VII, Стр. 664; Том VIII, Стр. 580;
Том IX, Стр. 817; Том X, часть 1, Стр. 312; Том X, часть 2, Стр. 141. Цена каждой книги 1 рубль.

ПРОЛОГ
Ром. в 2-х част.
(С портретом
автора, 1864 г.)
Стр. 312. Ц. 85 к.

ВАМЕТКИ О
СОВРЕМЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
1856—1862 гг.
Стр. 444. Ц. 25 к.

О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

ПЛЕХАНОВ, Г. В.—Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. (Известия К. Маркса и Ф. Энгельса. Сочинения. Под ред. Д. Ризанова. Изд. 3-е.) Том V. Книга первая. Стр. 363. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к. Том VI. Книга вторая. Стр. IV+412. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.

СТЕКЛОВ, Ю.—Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. Его жизнь и деятельность. Том I. Ц. 6 р. Том II. (Печ.)

ЯРОСЛАВСКИЙ Ем.—НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. 1828—1889. Биографический очерк. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Стр. 64. Ц. 20 к.

ЛЕМЖЕ, Макс.—ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ В 1860-х ГОДАХ. (По архивным документам). Изд. 2-е. Стр. 684. Ц. 1 р.

ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В.—О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ. Сборник статей. 5 печ. лист. (Печ.)

ЛОМАКИН, Арс.—В. И. ЛЕНИН О ЧЕРНЫШЕВСКОМ. (Институт Ленина при ЦК ВКП(б). (Печ.)

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В СИБИРИ. Переписка с родными. Статьи Е. А. Ляшкова. Прилеч. М. Н. Чернышевского. Стр. 224. Ц. 60 к.

КОРОЛЕНКО, Вя.—ОТНОШЕНИЯ О В УСПЕНСКОМ. О ЧЕРНЫШЕВСКОМ. О ЧЕХОВЕ. Изд. 2-е. Стр. 84. Ц. 25 к.

КОГАН, П. С.—ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В РУССКОМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ. (Библиографический Русской Революции. Серия историческая). Стр. 80. Ц. 5 к.

ГЕРТЕН, А. И.—ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ. Под ред. М. К. Лыско. См. о Чернышевском Том I. Ц. 75 к. Том III. Ц. 75 к. Том VIII. Ц. 75 к. Том XI. Ц. 60 к. Том XIII. Ц. 60 к. Том XIV. Ц. 60 к. Том XVI. Ц. 60 к. Том XVII. Ц. 60 к. Том XVIII. Ц. 60 к. Том XIX. Ц. 60 к. Том XXI. Ц. 60 к. Том XXII. Ц. 60 к.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

1828—1889

ПОРТРЕТ. МЕШО-ТИНТО. Ц. 25 к.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГСЕКТОР ГОСИЗДАТА—Москва, центр, Богоявленский переулок, 4, телефон № 2-65-31 и во все магазины и отделения Госиздата РСФСР.

По почте эти и др. книги, выходящие на книжном рынке, высылают немедленно по получению заказа: МОСКВА, центр, Госиздат «КНИГА ПОЧТОЙ»; ЛЕНИНГРАД, Госиздат «КНИГА ПОЧТОЙ»; Ростов н/Д, Госиздат «КНИГА ПОЧТОЙ»; Казань, Госиздат РСФСР «КНИГА ПОЧТОЙ»; и на Украине—Харьков, Госиздат РСФСР «КНИГА ПОЧТОЙ». Книги высылаются при заказе до 1 руб. только по получению отосланных (можно почтовых марками); при заказе свыше 1 рубля по получению заказа в размере 25% стоимости заказа.

ФИЛАТЕЛИСТ

Единств. руководство собирателю марок. Необходимо для коллекционеров. Вильям Коллек. Хрестоматия. Марки—деньги. Надпечатки. Подделки. 157 стр. текста с иллюстрациями. Изд. 1925. Ц. 2 р. Вышла на лд. Москва, центр, Понтеки. музей, 110/В. «КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ»

НОТЫ ПОЧТОЙ

любят, немыслимы, выслать, неложно, платже. МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА (Москва, Невский, 14/31.)
КНИЖОЧКИ (фортепиано, окладная бумага, фортепиано, струнный, масс-музыка, лирик. КИУ по музыке).

ТРЕБУЕТСЯ БЕСПЛАТНО

ПОЛЕЗНЫЕ КНИГИ

КАК ПИСАТЬ СТАТЬИ И РАССКАЗЫ. 1928 г. Сост. проф. Шенгеля. Ц. 90 к.
ПОЛНЬ И САМОЗВУЧИТЕЛЬ СЛУХОВОЙ СТЕНОГРАФИИ По сист. Терье-Гильдебранда. 2 ч. (текст и аудио). 1927 г. Ц. 2 р. 85 к.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ КОМИССИИ. Ст. Петербург, комбуков и Общественные вопросы экспертов. Состав. Вольфенгем. 28 с. Ц. 75 к.
ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ФИЗИКУЛЬТУРЕ. 2 р. 50 к. Бокс, борьба, дзю-джитсу, гребе, плавание, футбол и другие виды спорта. 236 стр. Сост. Корозовский и др.

МОЕ ВОДОЛЕЖИЕ

Сейб, Киевля, Испит. в теч. 40 л. 1928 г. Ц. 1 р. 25 к.

СПРАВОЧНИК ПО НАЧАТКАМ СБОРА, СУШКА, РАВНОМЕРИЕ И ПОЛЬЗОВАНИЕ ИМ. С 73 таблицами и крас. сх. Сост. Комаров. Цена 2 р. 50 к.

ПОЛНОЕ РУКОВОДСТВО ПО ПСОВОЙ ОХОТЕ

В 3-х част. 537 стр. Составил Губин И. (Р. в деле охоты в 1891 г.). Цена 10 р.

СПУТНИК ОХОТНИКА

Оружие, собаки, спос. охоты, охотничья, пушинка, соемы. 313 стр. Сост. Размазин и Керделли. Ц. 1 р. 50 к., в пер. 1 р. 85к.

ПОЛНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СПУТНИК ПЧЕЛОВОДСТВА

Общая, руж. для овчеловодства. 388 стр. 120 рис. 20 г. Сост. Бугачев. Ц. 4 р.

ОПЫТЫ РЫБОЛОВ

Сост. Горьковский. Цена 1 руб. Писемск. Каширский. Селенский. укол и развел. Ц. 0 к.

ТАКЖЕ ЛЮБИУ КНИГУ

высылает малож. плателюе И. Г. НАУКА И ЖИЗНЬ. Москва, 9, Воздвиженка, 4/С

На ответ и за книги можно высылать межд. почт. марк.